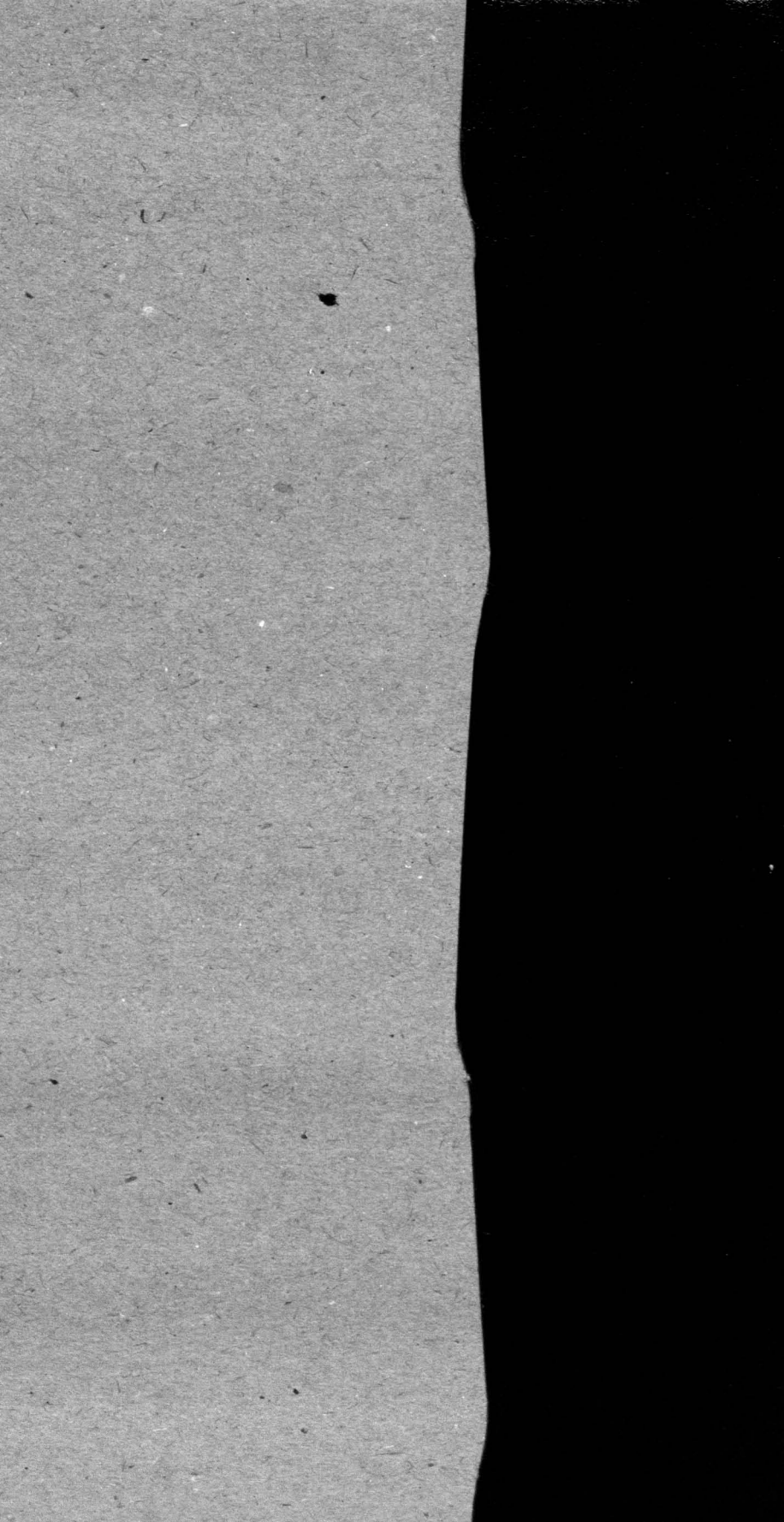

941

Ладожевский
Лубеницкий и
Князь
Римовский

94
Лаз

ЛУБЕНЩИНА

И

КНЯЗЬЯ ВИШНЕВЕЦКІЕ

(1590—1648 ГГ.).

Ал. Лазаревскаго.

<

КІЕВЪ.

Типографія „Норчакъ-Новицкаго“, Михайловская улица, домъ № 4-й.

1896.

415
902Г

Дозволено цензурой. Київъ 29 іюля 1896 года.

Оттиски изъ „Кіевск. Стар.“. 1896 г.

Матвѣю Терентьевичу
СИМОНОВУ.

Лубенщиною мы называемъ здѣсь все Посулье, начиная отъ впаденія Сулы въ Днѣпръ и оканчивая м. Константиновомъ, за которымъ Сула входитъ уже въ предѣлы Слободской Украины. Сюда же мы причисляемъ и берега притоковъ Сулы, имѣющихся у послѣдней только справа—Оржицы, Слѣпорода Удая (до Пирятина), Лохвицы и Ромна. Все это Посулье, составившее во время гетманщины Лубенскій полкъ, въ первой половинѣ XVI в. представляло собою почти совершенную пустыню. Такъ мы видимъ, что при дѣлежѣ между братьями Богданомъ и Григоріемъ Глинскими, въ к. XV в., „Глинска, Бѣльска, Ворскла и иныхъ сѣверныхъ вотчинъ,“ Богдану Глинскому досталась „Сѣверь-Сульская (вотчина) и рѣка Сула съ верху достуя¹⁾.“ Такое общее указаніе всего Посулья говоритъ, что если тутъ и были поселенія, то настолько незначительныя, что ихъ названіями еще нельзя было опредѣлять. Доставшееся Богдану Глинскому Посулье продолжало оставаться пустыннымъ, такъ какъ ни самъ Богданъ Глинскій, ни сынъ его, повидимому, ничѣмъ своего хозяйничанія въ Посульи не обнаружили. Остается Посулье и въ нач. второй полов. XVI в. пустыней, на которой жители г. Канева промышляютъ добычей звѣря, рыбы и меду. Право каневскихъ жителей на пользованіе въ Посульи

---

¹⁾ Дворцов. Разряды II, 900. 0 князьяхъ Глинскихъ наиболее обстоятельныя свидѣнія находятся у Бонецкаго, *Poczet Rodów*, 63—67, откуда видно, что Григорій въ к. XV в. (1496—1501) былъ намѣстникомъ Овруцкимъ, а Богданъ тогда же (1495)—намѣстникомъ Путьвльскимъ.

промыслами было настолько давнее, что находить поддержку даже у короля. Уже въ семидесятыхъ годахъ XVI в. короли польскіе писали (въ 1571—1578 г.) къ Михаилу Вишневецкому, старостѣ черкасскому и каневскому, чтобы онъ „оберегалъ и боронилъ“ Посулье и Попселье, такъ какъ это все пространство земель составляетъ „уходы“ и „угоды“ каневскихъ мѣщанъ: „чтобы рубежи каневскіе, которые есть по самой Путивль, Михаилъ Вишневецкій оберегалъ и боронилъ и мѣщанамъ каневскимъ въ земляхъ, въ водахъ и угодахъ ихъ, по самой Путивль, перешкоды поносить не отъ кого не допускалъ“¹⁾. Но такое неопредѣленное право каневскихъ мѣщанъ на Посулье долго продолжаться не могло, такъ какъ королевскія распоряженія были неопредѣленны, а Посульскіе промыслы были выгодны. Выгода ихъ и привлекла къ в. XVI в. вниманіе нѣкоего Байбузы, повидимому, претендовавшаго на наслѣдство Глинскихъ, по свойству съ ними²⁾. О немъ писалъ въ 1578 г. Степанъ Баторій, къ тому же Вишневецкому, „чтобы мѣщанъ каневскихъ отъ Байбузы, который въ земли ихъ каневскія и въ рѣку Сулу и Удай вступается и отнимаетъ на себя, боронилъ и въ обиду не давалъ“³⁾. Но это королевское распоряженіе скоро загѣмъ было и отмѣнено, такъ какъ черезъ нѣсколько лѣтъ тотъ же король утвердилъ Посулье за тѣмъ же Байбузою. Но Байбуза—или мало дорожилъ королевскимъ пожалованіемъ или встрѣтилъ здѣсь соперника въ старшемъ сынѣ Михаила Вишневецкаго, Александрѣ, такъ какъ вслѣдъ за тѣмъ онъ самъ уступаетъ Посулье Александру Вишневецкому, сѣвшему въ это время на староствѣ Каневско-Черкасскомъ. Въ 1590 г. Варшавскій сеймъ утвердилъ за Александромъ Вишневецкимъ право на *пустынное* Посулье (*na pustynią rzeki Sule, za Czerkassy łożącey, z iey przyłączościami*), которое было „дано

¹⁾ Дворцов. Разряды, II, 102.

²⁾ Сестра кн. Юрія Глинскаго Аграфена была замужемъ за какимъ то Байбузою, а дочь отъ этого брака была замужемъ за Михайломъ Грибуновымъ. Дворц. Разр., II, 900.

³⁾ Тамъ же, стр. 903.

королемъ Степаномъ Михайлу Грибуновичу Байбузѣ, а послѣднимъ переуступлено Александру Вишневецкому, старостѣ черкасскому“¹⁾. На этомъ же сеймѣ, при утверженіи части Кіевскаго Поросья за „трема особами,“ послѣднимъ была отдана и частица Посулья, а именно: Горошинъ и Слѣпородъ²⁾. Имена этихъ „трехъ особъ“ въ постановленіи сейма не названы, но ниже мы увидимъ, что въ числѣ ихъ былъ извѣстный Станиславъ Жолкѣвскій, воевавшій противъ Наливайка. Такимъ образомъ мы видимъ, что въ самомъ концѣ XVI в. Посульская *пустыня* утверждена была за Александромъ Вишневецкимъ, причемъ незначительный участокъ ея былъ выдѣленъ и отданъ другимъ.

Получивъ Посулье въ видѣ *пустыни*, Вишневецкіе колонизовали эту пустыню и образовали ту Лубенщину, которая къ половинѣ XVII в. явилась уже въ видѣ ряда городковъ, мѣстечекъ, селъ, хуторовъ...

Исторія возникновенія Лубенщины и дальнѣйшаго ея устроенія тѣсно связана съ Вишневецкими, которые были ея властителями до освобожденія лѣвобережной Малороссіи отъ поляковъ.

Вишневецкіе стали извѣстны съ к. XV в., а съ половины XVI в. стали въ южной Руси и знаменитыми, благодаря Дмитрію Ивановичу Вишневецкому, внуку Михайла Васильевича, который первый сталъ писаться Вишневецкимъ³⁾. Дмитрій Вишневецкій прославился своими похождениями: захвативъ Каневъ ок. 1554 г., Вишневецкій отсюда сносился съ тогдашнимъ Запорожьемъ, напалъ на татаръ, а затѣмъ, будучи вѣроятно недоволенъ поляками, перешелъ на службу къ турецкому султану („z tem wszystkim kozactwem a chlopstwem które około siebie bawił“⁴⁾), пробылъ у послѣдняго около года, вернулся на Ук-

¹⁾ Volum. legg., изд. 1859 г., II, 317.

²⁾ Т. ж., II, 317.—„Także Horoszą y Slepored, nad rzeką Nieusziu (?) nazwaną, przy granicy Moskiewskiej.“

³⁾ Poczet Rodów, 368.

⁴⁾ Изъ письма, напечатаннаго въ кнѣжкѣ Ляховича—Listy Zygm. Augusta do M. Radziwiłła Czarnego, стр. 58.

раину, но тутъ не зажился и отправился на службу къ Ивану Грозному, въ Москву, откуда ходилъ съ Адашевымъ на Крымъ; затѣмъ, въ 1562 г. Дмитрія Вишневецкаго видимъ снова въ Польшѣ, при чемъ съ Ласкимъ онъ воевалъ противъ волоховъ. Въ этомъ походѣ онъ былъ плѣненъ и отправленъ въ Цареградъ, къ турецкому султану Солиману, у котораго передъ тѣмъ служилъ. Солиманъ не простилъ Вишневецкому его бѣгства изъ Турціи въ 1554 г. и велѣлъ его повѣсить. Мученическая смерть Дмитрія Вишневецкаго воспѣта въ народной пѣснѣ, придавшей сему искателю приключеній имя Байды ¹⁾.—Послѣ Дмитрія Вишневецкаго наиболѣе извѣстнымъ изъ Вишневецкихъ въ XVI в. былъ его родичъ (двоюродный братъ?) Михайлъ Александровичъ, котораго въ 1560 г. видимъ по староствѣ Каневско-Черкасскомъ. Старостою здѣсь онъ пробылъ около двадцати лѣтъ и за это время конечно близко познакомился съ экономическими богатствами Каневскихъ „уходовъ“ по Сулѣ. Слѣдуетъ думать, что сидя въ Каневѣ, Вишневецкій могъ и самъ наложить руку на эти „уходы“, но малолюдство кievской Украины не дало ему возможности водвориться въ Посульской пустынѣ, требовавшей для ея эксплуатаціи—людей, т. е. населенія. Въ 1581 г. Михайлъ Вишневецкій былъ уже кievскимъ каштеляномъ, а преемникомъ его въ Каневѣ явился сначала одинъ изъ Ходкевичей, который не позже 1584 г. былъ замѣненъ старшимъ сыномъ Михайла В—го Александромъ ²⁾. Свѣвъ на Каневско-Черкасское староство, Александръ В—ій, какъ видно, сразу поставилъ себѣ цѣлью—подчинить Посулье личному своему обладанію. Юридическимъ его обладателемъ В—ій сталъ, какъ мы видѣли, въ 1590 г., но фактическимъ обладателемъ Посулья онъ былъ уже раньше. Для того, чтобы утвердиться въ новыхъ своихъ владѣніяхъ, Виш-

¹⁾ Обстоятельныя свѣдѣнія о походемихъ Дмитрія Вишневецкаго собраны польскимъ историкомъ Н. Мадановскимъ (р. 1799—1865 г.), въ его критической статьѣ о книжкѣ Ляховича—*Listy Zygm. Augusta do M. Radziwiłła Czarnego*,—напечатанной въ польской газетѣ *Tygodnik Petersb.*, 1843 г., № 19, стр. 114—116. См. также *Историч. Пѣсни Малор. народа*, I, 153—159.

²⁾ Свѣдѣнія Боневцаго о времени староства Александра Вишневецкаго дополняются свѣдѣніями Руликковскаго въ его статьѣ „Каневъ“ въ *Słownik'ъ Geogr.*, III, 812.

неведкому нужно было призвать сюда население, причѣмъ для защиты послѣдняго отъ татарскихъ набѣговъ, нужно было строить "городки."—Если мы взглянемъ на карту теченія Сулы, то увидимъ, что правый берегъ ея изрѣзанъ во многихъ мѣстахъ глубокими ярами, и особенно—берега притоковъ: Оржицы, Слѣпорода, Булатца и наконецъ Удаля. Современное описаніе Лубенскаго уѣзда говоритъ что „теченіе Сулы, Удаля и Слѣпорода представляетъ гористую возвышенность, прорѣзанную крутыми ярами. Наиболѣе крутыя балки, прорѣзывающія эту возвышенность направляются къ рѣкамъ Сулѣ и Удаю, составляя какъ бы притоки этихъ рѣкъ“¹⁾. При помощи этихъ яровъ многія мѣстности праваго берега Сулы представляютъ собою такія защищенныя мѣста, что здѣсь искали и находили слѣды жилищъ доисторическаго человѣка, который умѣлъ выбирать защитныя мѣста. Тутъ же, на правомъ берегу Сулы, и первоначальная лѣтопись указываетъ на существованіе городковъ, между которыми Лукомль и Лубны называются уже въ XII в. Но кромѣ горъ, защищенныхъ рѣками и рѣчками, здѣсь были и среди степей защищенныя мѣста—тѣми же рѣками и рѣчками; такъ Удаля, разливаясь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на нѣсколько рукавовъ, представлялъ среди послѣднихъ укромныя мѣста, до которыхъ трудно было добираться степному врагу древней поднѣпровской Руси.

Такимъ образомъ мы видимъ, что Посулѣ представляло много удобныхъ по защитности мѣстъ для того населенія, которое долженъ былъ новый владѣлецъ призывать туда для пользованія естественными богатствами пустынныхъ своихъ владѣній. Первый, повидимому, городокъ Александръ В—ій построилъ на мѣстѣ древнерусскаго городка *Лубно* и назвалъ его въ свое имя — *Александровомъ*. Лѣтописный *Лубно*, повидимому, не терялся въ народной памяти: такъ при описаніи заднѣпровскихъ уходовъ Канева въ 1552 г., называется уходомъ

¹⁾ Сборникъ по хозяйств. статистикѣ Полтавск. губ., т. IV-й, Лубенск. уѣздъ. (Полтава, 1865), стр. 1.

Гостищовский, а въ немъ—„земля Лубни“¹⁾. Вотъ на этой землѣ, на пепелищѣ древнорусскаго городка, и возникъ новый городокъ въ к. XVI в.—„Лубны заложены въ 1589 г. Александромъ Вишневецкимъ,“ говоритъ Морачевскій, не указывая впрочемъ источника²⁾. Онъ же, Александръ В—ій, вѣроятно, построилъ и другой городокъ при рч. Слѣпородѣ, тоже названный Александровомъ, теперь—село Александровка. Хотя и не сохранилось извѣстій—какъ устраивалъ Александръ В—ій свои Посульскія владѣнія, но мы можемъ съ полною вѣроятностью заключить, что устройство нѣсколькихъ городковъ должно было привлечь сюда населеніе съ праваго берега Днѣпра, при чемъ населеніе это искало удобныхъ по рѣкамъ и рѣчкамъ мѣстъ сначала для ловли бобровъ, заведенія пасѣкъ, устройства по рѣкамъ рыболовныхъ „езовъ,“ а потомъ и для постройки водяныхъ мельницъ, чтобы заняться излюбленнымъ въ старой Малороссіи мукомольнымъ промысломъ. Возникавшіе около водяныхъ мельницъ хутора, очень скоро разрослись въ села подъ защитою городковъ, обезпечивавшихъ дальнѣйшій ростъ колонизаціи. Александръ В—ій не могъ однакожь успѣть устроить достаточное количество городковъ, потому что не позже 1600 г. онъ уже умеръ, оставивъ одного сына Юрія, который, какъ кажется, отцовскаго начинанія не продолжалъ, можетъ быть, по молодости. Посульскимъ наслѣдствомъ Александра В—го завладѣлъ младшій его братъ Михайло, который и продолжалъ колонизацію Посулья; повидимому, при немъ устроенъ былъ городокъ среди Удайскихъ рукавовъ, на мѣстѣ древняго Пирятина, такъ какъ городокъ этотъ въ нач. XVII в. носилъ названіе Михайлова³⁾. Получивъ

¹⁾ Архивъ Ю.—З. Россіи, ч. 7-, т. 1, стр. 102.

²⁾ Dzieje Rzeczy Pospol. Polskiej, V, изд. 2-е, стр. 285. Пуласкій (Szkice i poszuk. histor., Kraków, 1887) относитъ поселеніе Лубенъ (Александрова) къ 1591 г. (стр. 40), но также безъ указанія источника.

³⁾ Бонецкій, 376. Пуласкій впрочемъ говоритъ, что „Михайловъ надъ Удаемъ,“ т. е. древній Пирятимъ, поселенъ въ 1592 г., но источника этого свѣдѣнія не указываетъ. „Земля Пирятинская“ какъ воспоминаніе лѣтописнаго Пирятина, называется въ перечнѣ Каневскихъ уходовъ въ 1552 г. Архивъ Ю.—З. Россіи, ч. VII, т. 1, стр. 192.

Овруцкое староство, вераньше 1608 г.,¹⁾ Михайло В—ій продолжалъ заботиться о дальнѣйшемъ устройствѣ Посульскихъ своихъ владѣній, какъ это указываетъ напр. актъ 1609 г., въ которомъ записана жалоба Михайла В—аго на Януша Острожскаго за нападеніе на Лубенщину. В—ій жаловался на Острожскаго, что тотъ наслалъ на его Лубенскія маестности военный отрядъ почти въ три тысячи человекъ (болше полтрети тысячи), подъ предводительствомъ „слугъ“ своихъ, сидѣвшихъ въ сосѣднихъ съ Лубенщиною городкахъ Переяславщины, (принадлежавшей въ это время Острожскимъ), при чемъ старшимъ надъ этимъ отрядомъ былъ переяславскій подстароста Щастный-Шлешинскій. Вооруженный „дѣлы, ручницами, луками и иною апаратою военною,“ отрядъ Шлешинскаго напалъ „на маестность властную и дѣдизную его, В—аго, на мѣсто Лубны, или Александровъ, и села до него належачія, яко и на другую маестность, которая недавно передъ тѣмъ пожалована отъ короля Вишневецкимъ, тамъ же на Украинѣ, на пустыню, лежащую надъ рѣками Пслоу и Ворсклоу...“ И тотъ отрядъ „полками разными идучи черезъ помепенные маестности Лубенскіе, оные яко неприятель пустошечи, нищечи, стаціе беручи, маестности и рѣчи рухомые такъ подданныхъ, якъ и самого князя Михайла В—аго властные забираючи, грабечи,“ направился, говорить жалоба, на тѣ новыя, пожалованныя Вишневецкимъ маестности, лежащія по р. р. Пслу и Ворсклу²⁾. Изъ этого акта мы видимъ, что въ 1609 г. Лубны окружены были такими уже селами, которыя можно было и грабить военному отряду, посланному Острожскимъ въ зарождавшуюся тогда Полтавщину, для „выбитія“ оттуда Вишневецкихъ. У насъ нѣтъ свѣдѣній, которыя указывали бы на посѣщеніе когда либо Лубенщины самимъ Михайломъ В—имъ; можно думать, что ему незачѣмъ было ее и посѣщать, такъ какъ хозяйство и дальнѣйшее заселеніе Лубенщины вели разные его урядники, жившіе по здѣшнимъ городкамъ. На продолжавшееся при Михайлѣ В—омъ заселеніе Посулья указываютъ жалобы на

¹⁾ Такъ говоритъ Бонецкій, но Руликовскій (Słown. geogr., VII, 776) говорить, что Мих. В—ій получалъ Овруцкое староство только въ 1614 г.

²⁾ Киевск. центр. арх., книга гродск. Житомирск. 1609 г., № 11, л. 374 об-

В—го сосѣднихъ владѣльцевъ; такъ, въ 1607 г., жена кн. Григорія Довмонта жаловалась на Михайла В—аго, что онъ принимаетъ въ Лубны и Жовнинъ бѣжавшихъ ея подданныхъ¹⁾. Такія же жалобы поданы были на В—ихъ и отъ другихъ сосѣдей за пріемъ, бѣжавшихъ ихъ крестьянъ въ Лукомль, въ Михайловъ (Пирятинъ), въ Сенчу²⁾. Умеръ Михайло В—ій въ 1616 г., оставивъ вдову, извѣстную Раину Могилянку, (дочь молдавскаго воеводы Іереміи Могилы) и двухъ малолѣтнихъ дѣтей, сына Іеремію (род. 1612) и дочь Анну. Опекуномъ этихъ дѣтей сначала былъ ихъ дядя Юрій В—ій, хлопотавшій о судебной передачѣ „заднѣпрскихъ маестностей“ вдовѣ умершаго брата Михаила, какъ это видно изъ постановленія Люблинскаго трибунала 20 іюня 1618 г.—По этому постановленію вдовѣ Михайла В—аго переданы были: „замокъ и мѣсто Лубны, во всѣми фоторами, яко тежъ и инше замки и мѣста,“ при чемъ перечислены слѣдующіе „замки и мѣста съ фоторами:“ Прилука, Лукомль, Буромль, Жовнинъ, Снятинъ, Переволочна, Александровка, Многая, Сенча и Хороль и кромѣ того—„мѣстечко Замосте³⁾, alias Гусчинцы, и мѣстечко новоосаженное Краснобереже“.

Къ этому добавлялось, что перечисленные замки поступаютъ къ вдовѣ Михаила В—аго „со всѣми тѣхъ мѣсть и фоторовъ подданныхъ пожитками и повинностями.“ Но въ указанномъ выше постановленіи Люблинскаго трибунала перечислены не всѣ городки, уже существовавшіе въ это время по берегамъ Сулы. Въ жалобѣ Раины В—ой на Юрія Михайловича В—аго, (предшествовавшей постановленію трибунала 20 іюня 1618 г.), за отнятіе маестностей, называются еще и слѣдующіе городки: Ситовичи (?), Лохвица, Стар. и Нов. Руменское (Ромень.)⁴⁾. Быть можетъ, та часть Посулья, гдѣ находились перечисленные городки, отдѣлена была Юрію В—ому, который имѣлъ на Посульѣ одинаковое съ братомъ Михайломъ право...

¹⁾ Zródła Dziejowe, XXI, 108.

²⁾ Тамъ же, XXI, 120, 172, 174, 185.

³⁾ Какое поселеніе разумѣлось подъ Замостьемъ, мы не знаемъ, а подъ Краснобережемъ значился м. б. теперешній Красн. Колядивъ, который въ спискѣ имѣній В—аго названъ Кязпе, а въ послѣдствіи Колядиномъ сталъ зваться отъ сидѣвшаго въ немъ урядника-поляка Коляды.

⁴⁾ Zródła Dziejowe, XXI, 315.

Для объявленія о переходѣ, по трибунальскому постановленію, наслѣдства Михайла В—аго къ вдовѣ его, собраны были въ Лубны со всѣхъ мѣстъ, мѣстечекъ и футоровъ—войты, мѣщане, подданные и бояре, при чемъ объявленіе это произвели нарочно прибывшіе для этого въ Лубны: кн. Семень Лыко, п. Андрей Росохацкій и два п. п. Марковича. Первый изъ нихъ тогда же былъ поставленъ „урядникомъ на Лубняхъ, а другіе слуги вышереченые по ившихъ мѣстахъ ставши урядниками, ведлугъ розказу паней своеи, подданными теми всѣми владать и робить розказовать почали“. Такъ доносили возные объ исполненіи трибунальскаго постановленія ¹⁾).

Изъ приведенныхъ свѣдѣній видно, что за тридцать лѣтъ (1589—1618) колонизаціонной своей дѣятельности въ „заднѣпскихъ мастностяхъ“ В—іе сдѣлали очень много: они заселили берега Сулы, начиная отъ ея устья и кончая Ромномъ, и берега Удая—отъ его устья до г. Прилуки. Конечно густаго населенія здѣсь еще не было, но было уже болѣе десятка городковъ, подъ защитою которыхъ ютились „футора,“ разроставшіеся затѣмъ, съ увеличеніемъ „подданческаго“ населенія, въ села... Никакихъ подробностей объ этой колонизаціи, къ сожалѣнію; мы не имѣемъ. Не обнаружилось до сихъ поръ ни одного „осаднаго листа,“ который давалъ бы возможность познакомиться съ экономической стороною колонизаціи. Другой вопросъ, не менѣе любопытный,—откуда находило населеніе въ южную лѣвобережную Малороссію, а слѣдовательно и въ Лубенщину, разрѣшается также съ помощью однихъ догадокъ, хотя, повидимому, и вѣроятныхъ.

Прежде всего, первые насельники степной Малороссіи (такъ называемыхъ „полей“) не могли приходить сюда съ сѣвера, разумѣя здѣсь Черниговщину и Стародубщину, потому что до Деулинскаго перемирія, т. е. до захвата лѣсной Малороссіи поляками, населеніе послѣдней было до того рѣдкое ²⁾, что ему рѣши-

¹⁾ Кіевск. Центр. Арх., книга гродск. Житомирская, 1618 г., №, 13 л. л. 1046 и 1047.

²⁾ См. наши замѣтки по этому вопросу въ Записк. Черниг. Стат. Комит., II, 150 и слѣд. Никакихъ новыхъ данныхъ въ обнародованномъ съ того времени историческомъ матеріалѣ, для измѣненія тогдашняго нашего заключенія мы не встрѣтили.

тельно не было причинъ оставлять насиженные мѣста, притомъ избытныя лѣсомъ и водою, чтобы пускаться въ голыя, малозащищенныя „поля.“ Никакого гнета „панскаго начала“ въ к. XVI в. здѣсь не могло быть, потому что и „пановъ“ то здѣсь было очень мало. Знаемъ мы, что были здѣсь обширныя земельныя владѣнія Борозднѣ, Рубцовѣ и нѣкоторыхъ менѣе богатыхъ боярѣ (Козловыхъ, Дунаевыхъ)¹⁾; но населеніе въ этихъ владѣніяхъ было слишкомъ недостаточно для эксплуатаціи природныхъ богатствъ тамошнихъ угодій, чтобы владѣльцы послѣднихъ могли чѣмъ либо тѣснить это населеніе и тѣмъ заставлять его двигаться въ „поля,“ въ „степь,“ гдѣ жизнь представляла постоянныя опасности отъ татарскихъ нападений...

Не могло двигаться изъ Сѣверщины населеніе на югъ и послѣ Деулинскаго перемирія, потому что нахлынувшіе сюда поляки сами нуждались въ крестьянскомъ населеніи и усердно перезывали его сюда, какъ то показываетъ напр. колонизація юго-восточной окраины Сѣверщины Пѣсочинскимъ²⁾. Врядъ ли много могло двигаться на югъ и изъ населенія Волини, лѣсной просторъ которой служилъ самъ по себѣ достаточною защитою отъ насилиій „панскаго начала;“ впрочемъ, еслибы волянянамъ и была нужда бросать родныя мѣста, то едва ли житель лѣсовъ шелъ бы прямо въ степи, экономическая обстановка которыхъ такъ рѣзко отличалась отъ обстановки полѣсья. Волянянамъ открытъ былъ путь въ ту же Черниговскую и стародубскую Сѣверщину, гдѣ природа была такая же лѣсная и земельного простору было много, покрайнѣй мѣрѣ до полов. XVII в. Сохранились указанія, что уходили съ родныхъ мѣстъ жители сосѣдней съ Волинею Холмщины и уходили на востокъ, лѣвобережную Малороссію, но осаживались они здѣсь не доходя до „степи,“ въ мѣстности лѣсной, схожей съ ихъ родиною³⁾...

¹⁾ Опис. Стар. Малороссіи, II, 317.

²⁾ Опис. Ст. Малор., II, 3. Также, Hist. Pamiątki, Свѣицкаго, I, 393. Было движеніе Сѣверскаго населенія на югъ, но только въ болѣе позднее время (1651 г.) и притомъ временное, возникшее отъ причины частной. См. Самовидца лѣтоп., изд. Бодявск., 19.

³⁾ Опис. Стар. Малор., II, 149.

Вѣроятно же всего, что главная колонизація степной Малорос-
 сии, „полей“, производилась населеніемъ жившимъ въ однохарак-
 терныхъ мѣстахъ. Тотъ же степной просторъ, какимъ характери-
 зуется южная Малороссія, видимъ мы и въ такъ называемой
 кievской Украинѣ, т. е. въ теперешней южной части Кіевской
 губерніи; но отсюда колонизація въ нач. XVII в. идти не могла,
 потому что эта Украина въ это время была тоже почти пусты-
 нею ¹⁾. Двигалось населеніе на лѣвый берегъ Днѣпра, повиди-
 мому изъ Подоліи, причемъ гнали его отсюда почти постоян-
 нныя татарскія нападенія и слѣдовавшія за ними разоренія ²⁾.
 Куда же должно было двигаться насеніе разоренныхъ мѣстъ:—
 на западъ, на сѣверъ, на востокъ?—Слѣдуетъ думать, что оно
 могло двигаться только на земли свободныя, гдѣ прежде всего
 могло выбирать мѣста для поселенія на большомъ просторѣ и
 затѣмъ заручаться значительными льготами... Конечно, всѣ эти
 выгоды могла представить только лѣвобережная Малороссія, но
 ни какъ не Галицкая Русь и не Волынь. Первая изъ нихъ,
 также какъ и Подолія, подвергалась постояннымъ разореніямъ
 и тѣмъ не привлекала, а отвлекала отъ себя населеніе, а волы-
 нскіе лѣса не могли привлекать привыкшаго къ степному простору
 подолянна. Въ подтвержденіе того, что Подолія былглавнымъ ко-
 лонизаціоннымъ источникомъ для лѣвобережной Малороссіи можно
 указать на названіе нѣкоторыхъ поселеній послѣдней, повиди-
 мому, перенесенныхъ сюда изъ Подоліи; такъ мы находимъ въ
 Подоліи: Біевцы, Демковку, Дорогинку, Жабинцы, Зиньковъ,
 Ивангородъ, Княжнубу Луку, Комаровку, Коржовцы, Кузьминъ,
 Лозовую, Люлинцы, Маковъ, Махновку, Мачуху, Рогинцы, Ру-
 сановку, Сокиринцы, Сосновку, Сребрну, Тростянецъ, Улановъ,
 Хмельникъ, Хомутинцы, Ярмолинцы... Всѣ эти названія нахо-
 димъ мы и у поселеній лѣвобережной (и притомъ южной) Ма-
 лоссіи, при чемъ быть можетъ нѣкоторыя изъ нихъ явились тутъ
 и независимо отъ подольскихъ поселеній, но есть же между
 ними несомнѣнно и подольскія, напр. глуховское м—ко Ула-

¹⁾ См. напр. статью Руликовского объ Умані въ *Słown. Geogr.*, III, 209.

²⁾ О татарскихъ нападеніяхъ на восточную Подолію см. у Руликовского—
 „Przed kilkuset laty“ (Braclawszczyzna) въ сборникѣ Трусывича—*Kwiaty i Owoco*
 (Кіевъ. 1870 г.), стр. 284 и слѣд.

новъ, названію котораго не откуда было здѣсь взяться, какъ только изъ Подолья¹⁾. Можетъ возникнуть вопросъ—какимъ образомъ Подолье могло выдѣлять изъ себя такую значительную массу населенія въ то время, когда оно само въ это время колонизовалось? ²⁾. Для объясненія этого явленія слѣдовало бы найти источникъ, откуда пребывало населеніе въ Подолье, тогда, вѣроятно, и можно было бы увидѣть, что митрополія Подольскихъ колонистовъ настолько выдѣляла изъ себя (по тѣмъ или другимъ причинамъ) населенія, что въ Подольи являлся уже избытокъ колонистовъ, которые должны были поэтому двигаться далѣе... Въ подтвержденіе возможности такого явленія мы можемъ указать на то переселенческое движеніе, которое такъ рѣзко проявилось въ полов. XVII в. въ лѣвобережной Малороссіи и повело къ колонизаціи слободской Украины ³⁾.—Откуда приходили переселенцы, осѣдавшіе въ Подольи и затѣмъ двигавшіеся далѣе на востокъ — вопросъ этотъ еще не подвергался изслѣдованію ⁴⁾. Вѣроятно же всего, что митрополіей этой колонизаціи была Галицкая Русь, такъ какъ болѣе не откуда было взяться главному контингенту того люда, который дополнивъ старое населеніе Подолья, заселилъ потомъ кievскую и южную лѣвобережную Украины, при чемъ у колонистовъ и до сихъ поръ сохранились тѣ самыя пѣсни, которыя поетъ и митрополія, разумѣя подъ послѣднею Галицкую Русь... ⁵⁾.

¹⁾ См. Опис. Стар. Малор., II, 481.

²⁾ Новѣйшій изслѣдователь исторіи юго-восточнаго Подолья говоритъ, что разгаръ колонизаціонной дѣятельности въ Барщинѣ падаетъ на *вторую половину XVI и самое начало XVII в.*... Конецъ XVI и перв. четверть XVII в. характеризуется основаніемъ многихъ мѣстечекъ въ Барщинѣ и ее порубежья... Арх. Ю. З. Россіи, ч. VIII, т. I, стр. 113.

³⁾ См. Очерки изъ исторіи колонизац. и быта степн. окраины Моск. гесуд., Д. И. Багалъя, I, 378 и слѣд.

⁴⁾ Въ книгѣ г. Грушевскаго о Барскомъ староствѣ, вопросъ о томъ—откуда приходили колонисты послѣднѣго,—остался не тронутымъ.

⁵⁾ По недостатку историческаго матеріала изслѣдованіе вопроса о происхожденіи колонистовъ южной лѣвобережной Малороссіи можетъ быть произведено съ помощью этнографическаго матеріала. Тутъ слѣдуетъ произвести сравнительное изученіе пѣсень и разныхъ житейскихъ обрядовъ съ пѣснями и такими же обрядами жителей преимущественно Полтавской губерніи. Матеріала для такого сравненія относительно Прикарпатской Руси собрано уже достаточно. Не говоря о Сборникѣ пѣсень Головацкаго, достаточно указать на изданіе Краковской акаденіи—*Zbiór wiadomości do antropolog. krajow.*

И теперь еще между жителями южной лѣвобережной Малороссіи очень часто встрѣчаемъ прозвища *Коломійцевъ* и *Коломиченковъ*, несомнѣнно происходящихъ отъ давнихъ сюда выходцевъ, черезъ Подолію, изъ Галицкой Коломіи ¹⁾.

Засимъ обращаемся къ дальнѣйшей исторіи Лубенщины, послѣ того какъ она была передана во владѣніе вдовы Михайла В—аго. Опекунъ и дядя малыхъ дѣтей послѣдняго, Юрій В—ій, скоро послѣ этого умеръ и былъ замѣненъ Константиномъ Константиновичемъ В—имъ, отца котораго Бартошевичъ называетъ роднымъ братомъ знаменитаго Дмитрія Байды ¹⁾.

¹⁾ Вопросъ о томъ—откуда колонизовалась лѣвобережная Украина въ послѣднее время затронуть М. Ф. Владимірскимъ Будановымъ, въ предисловіи къ II-му тому 7-й части Архива Ю. З. Россіи, при чемъ авторъ разсматривая вопросъ о колонизации вообще Ю. З. Россіи отъ втор. полов. XV в. до 1569 г., относительно лѣвобережной Украины (южной) приходитъ къ такимъ заключеніямъ: „Здѣсь вовсе нѣтъ поселеній, а только „уходы“... Вся эта мѣстность однако наполнена „городищами“ и „селищами“, которыя свидѣтельствовали о прежней заселенности края... Не вполнѣ исчезнувшее населеніе этой страны есть *сверская Русь*, сохранившая свое древнее названіе у тогдашняго поколѣнія: рѣки той пустыни именуется „сверсица“, уходы—„сверскими“. (стр. 45—46)... Обширныя владѣнія Глинскихъ на Ворсклѣ, Сулѣ и Удаю, хотя въ иллюстраціяхъ и рисуются преимущественно пустынными, но въ 70-хъ и 90-хъ гг. XVI в. населеніе въ этихъ восточнѣйшихъ было и именно не пришлое... Оно именуется въ актахъ севряками (которые въ 1570 г. подъ именемъ севрюковъ Байбуриныхъ Ворскольскихъ освобождаются отъ городовыхъ податей). (Стр. 134).—Колонизация южной Руси направляется отъ сѣвера къ югу, именно переселенцы, заселявшіе постепенно южную Русь, шли изъ Бѣлороссіи, т. е. Литвы, т. е. сѣв. зап. части той же Бѣлороссіи, Подлесья и изъ Московскаго государства,—но ни откуда больше. (Стр. 172).—Кіевское населеніе не все поголовно было сносно бурями татарскихъ опустошеній. *Сверщина* уцѣлѣла не только на Ворсклѣ, Сулѣ и Удаю, но значительно распространилось и на правомъ берегу Днѣпра... „(Стр. 138). Полагаемъ, что эти выводы за время, ограниченное Люблинскою унією, не могутъ имѣть особеннаго значенія по отношенію къ южной лѣвобережной Украинѣ, колонизация которой въ это время только что начиналась. Полагаемъ также, что севруки, жившіе въ это время въ защитныхъ мѣстахъ къ сѣверу отъ р. Сейма, приходили въ южную лѣвобережную Украину лишь для промысловъ, какъ приходили сюда и жители кіевского Подлесья. Никакихъ данныхъ для заключенія, чтобы севруки въ это время, т. е. въ XVI в., были осѣдлыми жителями побережій Сулы, Удаю и Ворсклы—нѣтъ. Относительно „Ворскольскихъ Байбузиныхъ севрюковъ“, замѣтимъ, что по актамъ даже нач. XVII в.—имѣнія наследниковъ Байбузи на Ворсклѣ именуется—*незаселенною пустынею Ворскло*. См. Кіевск. Губ. Вѣд. 1870 г., № 67. (Извлеченія изъ книгъ Кіевск. Центр. Арх.) Иного мнѣнія о колонизации лѣвобережной Украины другой ученый—г. Милуковъ, рѣшающій этотъ вопросъ на основаніи данныхъ языка. См. „Міръ Божій“ 1895 г., № 4, стр. 52—54.

²⁾ Бонецкій, 369.

Константинъ завѣдывалъ Лубенщиною вмѣстѣ съ Раиною до совершеннолѣтія Гереміи. Какъ видно изъ юридическихъ актовъ Лубенщины, Константинъ В—ій былъ опекуномъ уже въ 1621 г.; въ этомъ году онъ далъ позволеніе на устройство Слѣпородскаго монастыря. Повидимому, онъ усилилъ опекунскую власть надъ имѣніями малолѣтнихъ В—ихъ: до него вдова самостоятельно выдавала акты—на устройство Мгарскаго монастыря, на маетности монастырямъ Густынскому и Подгорскому (Ладинскому)¹⁾, но Константинъ В. эти акты нашелъ нужнымъ подтвердить, съ своей стороны, „опекунскимъ правомъ“ (prawem opiekuńskim), причеиъ измѣнялъ прежде выданные по своему усмотрѣнію²⁾. Константинъ В. управлялъ „заднѣпровскими“ маетностями своего племянника еще и въ 1630 г., когда имъ былъ выданъ актъ Мгарскому м—рю съ подтвержденіемъ Ольшанскихъ грунтовъ³⁾. Въ этомъ же году возобновленъ былъ

¹⁾ См. Лѣтопись м—ря Густынскаго, изд. Бодянскаго.

²⁾ Приводимъ здѣсь актъ, выданный Конст. В—имъ въ 1622 г., „на будованне монастыря надъ рѣкою Сулою“, послѣ того, какъ такое позволеніе было уже дано въ 1619 г. Раиною. „Constanti Korybuth xże Wiszniowiecki, starosta Czerkaski. Wiadomo czynię tym piśaniem ninieyszym i napotym będącym, komu wiedziec będzie potrzeba, yż ia mając w opiece swojej pozostałe potomky sławney pamięci xieża jego meci niebosz syka Michała, brata mego, y maietności ych, a życząc, aby nie tylko w sprawach ych komu nie były y oblżenia, y owszem przymnożenia zostawali, które aby tym pochopniey y prędziey rozszerzwały się od Boga y taky iego początek zacząc mi się zdało przeto tedy jako opiekun przyrodzony, za przyczyną y prozbą mieszczan moich Łubieńskich, pozwoliłem y tem listem moim pozwalam zbudować y ufundować monasterku ko rozmnożeniu chwały Bożey, religij greckiey, nad rzeką Sułą, między Mhareм rzeczką a Olszańką, drugą rzeczką, za Łubniami pułmile, oycu Jsaiu, episkopu y archimandrytu monasterow w maietnościach zadnieprskich będących, do ktorego grunt między temi rzeczkami będący przydałem z wolnym używaniem y ze wszystkimi pożytkami według potrzeby do żywności monasterzowi należący, wzdłuż od Olszanki rzeczy do Mharu drugey rzeczki, wszyr od łąki nazwaney Łoreczyney do Suły, wolno iemu swoim kosztem y młynek gdzie w tymże gruncie miejsce upatrzywschy, zbudować ku pożytku swemu, czego według tego nadania mego ma zażywać spokojnie, nienarusznie, według upodobania swego przerzeczony oycieć Jsaiа bez żadney przeszkody tak odemnie, iako y po mnie będących. A dla pewnieyszey wаgy listu tego, ręką swą podpisałem się y pięczęcъ przycisniącъ rozkasałem. Działosią w Alexandrowie, anno 1622, 15 septem.“ Акты Мгарск. м—ря, лл. 59 об. и 61 об.

³⁾ Акты Мгарск. м—ря, л. 64.

споръ дочерью Станислава Жолкѣвскаго Софѣей, женой Яна Даниловича, воеводы русскаго, противъ „княжати Еремія Корибутовича В—ого, старосты Овруцкаго, и опекуна его мл. княжати Константина Корибутовича В—ого, старости Черкаскаго и иныхъ опекуновъ (?) его милости“, за Горошинъ и Слѣпородъ. Мы уже видѣли, что по постановленію Варшавскаго сейма, въ 1590 г., эти два урочища были отданы анонимнымъ „тремъ особамъ“, въ числѣ которыхъ оказался и Жолкѣвскій (см. стр. 3); однакожъ эти „три особы“ своего права на пустынные урочища, какъ видно, не осуществили, пользуясь чѣмъ В—іе присоединили ихъ къ своимъ владѣніямъ. Дочь Жолкѣвскаго жаловалась „о посаженъе и осягнене добръ, грунтовъ и урочиस्कъ, т. е. пустынь Горошина и Слѣпородъ, зо всеми тихъ обойга урочищъ належностями и о посажене на тихъ грунтахъ и урочищахъ разныхъ мѣсть, мѣстечокъ, селъ, фоторовъ...“, при чемъ пояснялось, что завладѣль этими грунтами умершій Михайло В—ій, „не маючий жадного права на тие грунта Горошинскіе, надъ рѣкою Сулою лежачіе, и Слѣпородъ—за Днѣпромъ („позовъ“ писался въ Кіевѣ), на шляху татарскомъ, при самой границѣ татарской и при рубежу московскомъ“; при этомъ въ „позвѣ“ указывалось также, что эти грунта были отданы отцу „пани воеводиное русское правомъ вѣчнымъ отъ короля, въ року 1597¹⁾, послѣ чего на сихъ грунтахъ сѣло немало „мѣсть, мѣстечекъ, селъ и фоторовъ“²⁾... „Позовъ“ „русской воеводиной“ кончился, повидимому, ничѣмъ, такъ какъ Горошинъ значился въ спискахъ имѣній В—ихъ и послѣ 1640 г. Изъ приведеннаго „позова“ видно, что въ 1630 г. Еремія В—ій называется уже старостою Овруцкимъ; такъ ли это было на самомъ дѣлѣ, или „позовъ“ давалъ этотъ титулъ молодому Еремію гадательно—не знаемъ. Не знаемъ также, когда именно Еремія В—ій вступилъ въ самостоятельное распоряженіе отцовскими маетностями, а въ томъ числѣ и Лубенщиною; вообще мало

¹⁾ Раньше (см. стр. 3) указано, что Горошинъ и Слѣпородъ отданы были Жолкѣвскому въ 1590 г. Разность въ годахъ происходитъ вѣроятно отъ описокъ.

²⁾ Кіевск. центр. арх., Книга гродск. Житомирск., № 14. л. 836 об.

имѣется свѣдѣній о ранней молодости наслѣдника Михаила В—аго. Въ компилятивныхъ біографіяхъ Іереміи рассказывается, что онъ учился въ львовскихъ іезуитскихъ школахъ и тутъ же отступился отъ православія;—что, затѣмъ, онъ путешествовалъ по Европѣ для изученія военнаго искусства, при чемъ особенно долго занимался послѣднимъ въ Нидерландахъ¹⁾. На родину вернулся Іеремія ок. 1632 г., т. е. въ возрастѣ ок. двадцати лѣтъ. Повидимому, тогда же пришлось ему познакомиться и съ „заднѣпровскими“ своими маестностями, куда звала его начавшаяся въ это время война Польши съ Москвою. Вѣроятно, что при этомъ первомъ посѣщеніи Іереміей Лубенщины было написано къ нему и извѣстное посланіе Исаи Копинскаго, укорявшее молодого отступника за неисполненіе предсмертнаго завѣта его матери.

— „Великій жаль наполняетъ наши сердца, пишетъ Копинскій, видя вашу княжюю милость, „пожаданную утѣху“ нашу, уклонившимся отъ древнегреческой вѣры своихъ предковъ и родителей... Не вѣдаю, кто отвратилъ вашу кн. милость отъ нашей вѣры... Всѣ мы знаемъ, какими ужасными клятвами обязывала васъ родительница ваша, оставляя сей свѣтъ! На чью душу падеть сей грѣхъ—Господь то знаетъ, а мы знаемъ, что „отцовская клятва высушаетъ, а материнская выкореняетъ“... Затѣмъ Копинскій вспоминаетъ предковъ Іереміи—прадѣда Ольгерда, сына его Ягелла и другого сына Ольгерда—Дмитрія Корибута, князя сѣверскаго... „Всѣ они были славными рыцарями, всѣ они принадлежали къ вѣрѣ греческой и послѣдняя ни въ чемъ ихъ не повреждала, а лишь славнѣйшими ихъ дѣлала!... Прошу вашу кн. милость именемъ всей церкви—не позволяй себя увлекать „политицкими раціями“! Вспомни, ваша кн. милость, своихъ родителей,—какой вѣры они держались!.. Почему же, ваша княжая милость, не хочешь слѣдовать ихъ примѣру, почему отрекаешься вѣры, въ которой родился?—Легко случается, что людскія рѣчи совращаютъ молодость, случается, что и насилуютъ ее, но все это сразу можетъ уничтожиться. Имѣешь,

¹⁾ Свѣцкаго, *Histor. Pamiątki*, II, 296 причемъ главнымъ источникомъ для его Компіляціи былъ Нѣсѣцкій.

в. кн. м-ть, въ своихъ маестностяхъ и церкви, и монастыри есть въ нихъ и достаточное количество духовныхъ особъ; искать ничего, не приходится: чего пожелаешь, то и получишь! И мы, надѣясь, что не навсегда же отречся, в. кн. м—ть, отъ церкви божьей, со слезами просимъ, именемъ всего духовенства, всего христіанства, не оставляй той вѣры, въ которой водою и духомъ родился, возвратись въ лоно ея, матери своей природной, и утѣшь тѣмъ насъ всѣхъ! И когда, в. кн. м—ть, учинишь по нашему моленію, то осѣнитъ тебя благословіе божіе и родительское, и утѣшишь ты всю церковь и все христіанство, исповѣдующее древнюю вѣру! И счастливо окончишь ты земную свою жизнь и наслѣдуешь затѣмъ, по милости Бога, животъ вѣчный!¹⁾

Думается, что эта мольба лучшаго представителя тогдашней южнорусской земли, такъ сильно напомнившая молодому отступнику данныя имъ умиравшей матери клятвы, не могла имѣть желаемыхъ результатовъ: молодость самонадѣянна и упряма... Исаія Копинскій своимъ посланіемъ могъ скорѣе возбудить у Іереміи лишь большую ревность къ его новой вѣрѣ²⁾... Эта ревность неопита и обнаружилась въ начавшейся тогда войнѣ Польши съ Москвою. Война эта началась въ 1632 г. и первое время сосредоточивалась въ Сѣверской землѣ. По свѣдѣніямъ „Розрядныхъ книгъ“, въ концѣ 1632 г. отряды боярина Шеина воевали „литовскіе города“ Батуринь, Ромень, Ивангородище, Борзну, Мену, Миргородокъ, которые были покорены, повидимому, въ нач. 1633 г.³⁾ А когда Шеинъ отправился покорять Смоленскъ, то въ Сѣверщинѣ остался воевода Алябевъ, осадившій въ томъ же году Черниговъ. Польскаго войска, въ это время, здѣсь было очень мало, и все оно, повидимому, заключалось въ частныхъ

¹⁾ Лѣтоп. Густынск. м—ра, стр. 39—42.

²⁾ Г. Кулишъ, въ своей книгѣ „Отпаденіе Малороссіи отъ Польши“, обвиняетъ Петра Могилу, что онъ, будучи близкимъ родичемъ Іереміи, „ничего не предпринялъ, чтобы удержать его въ православіи“... (П, 198). Но врядъ ли въ это время была сила, которая могла бы остановить повальное вѣроотступничество тогдашнихъ южнорусскихъ магнатовъ, такъ какъ только католичество давало этимъ магнатамъ возможность оставаться и возвышаться въ магнатствѣ...

³⁾ Розрядн. книги, П, 615. Актн Моск. госуд., изд. Акад. Н., 1, 444, 599 и друг. Ср. Соловьевъ, IX, изд. 3, стр. 201.

отрядахъ мѣстныхъ державцевъ; такъ, польскіе источники свидѣтельствуегь, что къ осажденному Чернигову—приспѣлъ изъ Нѣжина отрядъ п. Казановскаго, состоявшій всего изъ ста „выпищиковъ“. Далѣе, въ тѣхъ же источникахъ разсказывается, что когда русскій отрядъ Бутурлина разорилъ Миргородъ, то для прегражденія ему пути въ Лубенщину, изъ Лубенъ вышелъ только небольшой отрядъ подъ начальствомъ „слуги“ Іереміи Длотовскаго, почему отрядъ этотъ и былъ разбитъ Бутурлинымъ при первой съ нимъ встрѣчѣ. Другой польскій отрядъ, находившійся въ Лубенщинѣ же подъ начальствомъ Киселя, былъ такъ малъ, что не рискнулъ идти даже и на помощь Длотовскому. Увеличить свои военныя силы поляки не могли при незначительности населенія въ тогдашней Лубенщинѣ (*których szczyła liczba była na tym pograniczu*), которое при томъ въ виду начавшихся военныхъ дѣйствій разошлось, какъ разошелся „по своимъ домамъ“, и „запорожскій полкъ Лавринка“, повидимому, исполнявшій обязанности гарнизона въ Лубнахъ ¹⁾.

Вотъ въ это время Іеремія В. и обнаружилъ свою энергію неофита... Польскіе его біографы разсказываютъ, что В., собравъ отрядъ *своего* войска (на правомъ берегу Днѣпра?), простиравшійся до пяти тысячъ, пошелъ подъ Путивль и поразивъ тамъ русскихъ, выжегъ окрестныя села; что затѣмъ, въ другой разъ, соединившись съ Лукою Жолкѣвскимъ, В. пошелъ уже за Путивль и воевалъ Курскъ, Рыльскъ, Сѣвскъ, которые вмѣстѣ съ окрестными селами обратилъ де въ пепель... И стали Іеремію В., продолжаютъ тѣже біографы, звать отъ того времени *палемъ* ²⁾). Этотъ разсказъ, повторенный вкратцѣ и Костомаровымъ ³⁾), никакими первоисточниками не подкрѣплялся. Только въ послѣднее время обнаружены акты изъ архива м—ва юстиціи, которые, подтверждая свѣдѣнія о походѣ Іереміи въ предѣлы Московскаго государства, сообщаютъ и подробности этого похода. Указанные акты говорятъ, что въ к. февраля 1634 г. поляки приходили подъ Путивль въ числѣ 5000 человекъ, но были отбиты, а въ

¹⁾ Szkice Пуласскаго, стр. 221. Ср. Акты Моск. Госуд., I, 411.

²⁾ Свѣцкаго, *Histor. Pamiętki*, II, 296. Ср. Нѣщук., *Herbarz polski*, IX, 354.

³⁾ Богд. Хмельницкій, изд. 1884, I, 328.

мартъ Іеремія съ Жолѣвскимъ ходили подъ Сѣвскъ, хотѣли его взять осадю, но также были отбиты, хотя, какъ видно изъ сообщаемыхъ актами подробностей, Сѣвскъ при этомъ достаточно пострадалъ отъ пожара и разоренія; въ походѣ на Сѣвскъ участвовали до 30000 человекъ, „польскихъ и литовскихъ людей, и нѣмецъ и черкасъ“. При осадѣ Сѣвска, между прочимъ, участвовалъ и извѣстный Яковъ Острияница, котораго акты титулуютъ въ это время „полковникомъ“. Изъ подъ Сѣвска В. съ товарищами пошелъ было на Рыльскъ, но на дорогѣ получено было имъ извѣстіе о приближеніи татаръ къ „литовской землѣ“, почему В. счелъ нужнымъ вернуться домой ¹⁾, а отрядъ „запорожскихъ козаковъ“, въ числѣ 12000 человекъ, съ полковниками Ильяшемъ и Острияницею, былъ направленъ В—мъ къ Смоленску, на помощь королю; но у козаковъ съ поляками вышла при этомъ какаля то „рознь“, и походъ свой казаки ограничили лишь осадю Курска; осада была неудачна, и „черкасы“ вернулись домой, но здѣсь Іеремія „за то ихъ непослушаніе велѣлъ ихъ грабить и въ города не велѣлъ ихъ пускать“ ²⁾.

Вернувшись въ Лубенщину, В. противъ татаръ не ходилъ, такъ какъ противъ нихъ пошли другіе военачальники, а В. сталъ готовиться къ новому походу въ Московское государство, предполагая снова начать этотъ походъ осадю Путивля ³⁾. Походъ этотъ однакожъ не состоялся, такъ какъ вслѣдъ затѣмъ война съ поляками кончилась заключеніемъ Поляновскаго договора.

Изъ приведенныхъ свѣдѣній видно, что особыхъ удачъ въ своихъ походахъ противъ Московскаго государства Іеремія В—ій не имѣлъ, и польскія извѣстія о его успѣхахъ въ этихъ походахъ, повидимому, преувеличены ³⁾.

Засимъ, мы не имѣемъ свѣдѣній—гдѣ жилъ и что дѣлалъ Іеремія В—ій въ продолженіе 1633—35 гг. Есть извѣстіе, что послѣ заключенія Поляновскаго мира, когда Киселю поручено

¹⁾ Акты Моск. Госуд., I, 599, 607, 611, 612 и 616.

²⁾ Т. же, 216.

³⁾ Т. же, 622.

⁴⁾ Тѣмъ болѣе, что и самъ король Владиславъ признавалъ, что главную роль въ этихъ походахъ игралъ не В—ій, а Кисель. Pułaski, Skizze, 227.

было провести границу между Московскимъ и Польскимъ государствами, В—ій очень боялся, чтобы часть его Лубенщины не была отмежевана къ путивльскимъ землямъ и по этому поводу, въ 1634 г., просилъ будущаго своего тестя Замоискаго предстательствовать за него предъ Киселемъ¹⁾. Эта просьба указываетъ, что В—ій, не смотря на свою молодость, уже ревниво оберегалъ свои матеріальные интересы... Въ 1636 г. В—ій навѣдывался въ свою Лубенщину, такъ какъ мы имѣемъ два акта, выданные имъ, оба въ Лубнахъ, въ маѣ и октябрѣ 1636 г., одинъ Мгарскому м—рю, а другой какому то Федору Проскуренку на „островокъ для пасѣки“²⁾. Въ это время уже вся Лубенщина была и юридически закрѣплена за Іереміей В—мъ, такъ какъ по условіямъ Поляновскаго договора Московское правительство спорную часть Лубенщины (Снятинъ, Сенчу, Многой, Журавку, Куренку...) „уступило въ королевскую сторону безъ спору“³⁾...

Затѣмъ изъ событій, происходившихъ въ Лубенщинѣ, слѣдуетъ отмѣтить, что, по свидѣтельству позднѣйшихъ малорусскихъ историковъ, одинъ изъ сторонниковъ возставшаго Павлюка—Скиданъ универсалъ свой, взывавшій къ населенію степной Украины, выпустилъ изъ Лубенъ, въ октябрѣ 1637 г., изъ чего слѣдуетъ заключить, что и населеніе этого города присоединилось къ возставшимъ козакамъ. А затѣмъ, послѣ Кумейскаго пораженія, когда отдѣльные козацкіе отряды пробовали еще сопротивляться полякамъ, одинъ изъ такихъ отрядовъ, предводимый Кизимомъ-сыномъ, по свидѣтельству тѣхъ же историковъ, занялъ Лубны и, разоряя польское населеніе этого города, сжегъ де тутъ и Бернардинскій монастырь⁴⁾. Послѣдовавшее въ 1638 г. возстаніе Острияцы

1) „Xże imé. Her. W—cki, mając contignitatem granic z panstwem moskiewskiem, chciał by tego ostrzedz sobie, aby przez comissją naznaczona z Moskwą, ni poniesł jakowego uszczerbku“... Т. ж., 231.

2) Акты Мгарскаго м—ря, л. л. 5 и 59.

3) Дворцов. Разряды, II, 883.

4) Такъ разсказываютъ г. Кулишъ (Библ. дл. Чт. 1863 г., октябрь (?), стр. 12) и Костомаровъ (Болд. Хмельн., изд. 4-е, I, 154), но источники не указываютъ. Слѣдуетъ впрочемъ думать, что это свѣдѣніе взято изъ рукописей Шубл. б—ки, такъ какъ г. К—шъ въ своей статьѣ оговаривается, что приводимыя имъ новыя подробности

и Гуни скоро было усмирено поляками, въ предѣлахъ Лубенщины, причемъ въ этомъ усмирении участвовалъ и Іеремія В., какъ подробно объ этомъ рассказываетъ Окольскій. Усмиренныхъ козаковъ поляки жестоко наказывали, а послѣдствіемъ этихъ наказаній явились на лѣвомъ берегу Днѣпра разные толки о намѣреніяхъ поляковъ начать и здѣсь насажденіе уніи³⁾. Слухи эти сильно всполошили лѣвобережныхъ монаховъ, думавшихъ, что они первые должны будутъ пострадать при этомъ. Особенно испугались густынскіе монахи, когда, на обращенную къ Іереміи В—му просьбу ихъ игумена—о подтвержденіи правъ на монастырскія маетности, князь отвѣчалъ: „а мнѣ цо о васъ—жййте до ласки моей!“ Сообщая объ этомъ отвѣтъ Іереміи мгарскому игумену, густынскій игумень добавлялъ: „а ласка каждого пана на волоску висить, а кгда ся урветъ,—пречъ отъ всего изъ маетности—до дьябла!“ Бѣгство Острияницы въ предѣлы Московскаго государства указывало и монахамъ возможность спасенія тамъ же. Не надѣясь на защиту В—аго, густынскій игумень согласилъ и другихъ двухъ игуменовъ (мгарскаго и ладинскаго) бѣжать съ братіей въ Путивль, чтобы оттуда просить милости и покровительства у московскаго царя.—Но когда густынскіе и ладинскіе монахи достигли Путивля, ожидая здѣсь уже встрѣтить и мгарскаго игумена, который долженъ былъ прибыть туда другою дорогою, то нашли тутъ только часть мгарской братіи, а самъ игумень не только не пошелъ изъ Мгари, но еще посмѣялся, въ письмѣ къ густынскому игумену, надъ страхами послѣдняго передъ уніей, спрашивая—почему такъ страшна ему эта унія: „чи зъ рогами она, чи зъ голынятыми ногами, чи зъ

взяты изъ указаннаго источника. Костомаровъ сообщаетъ это свѣдѣніе, повидимому, по Кулишу. Въ книгѣ—„Отпаденіе Малороссіи отъ Польши“ свѣдѣніе о разграбленіи Лубенъ Кизимомъ—повторено (I, 282) тоже безъ указанія источника; впрочемъ въ этой книгѣ источники вообще не указываются.

³⁾ Объ этомъ извѣщала Исаія Копивскій мгарскаго и густынскаго игуменовъ, что „де одноконечно король полскій и паны радные и ляціе архибискупы приговорили на соймѣ, что въ ихъ Польской и въ Литовской землѣ православной христіанской вѣрѣ не быть и христіанскія церкви превратить въ костелы ляціе, и книги русскія и монастыри вывезть“... Азты Ю. З. Россіи. III, 5.

усомъ, чи зъ бородою великою, чи пѣша, чи ѣздить?“¹⁾... Слѣдуетъ догадываться, что мгарскій игуменъ былъ обласканъ Іереміей и пересталъ бояться уніи... Не одни, впрочемъ, монахи нашли нужнымъ уходить подъ защиту московскаго правительства. Лубенскій „староста“ Якубъ Коледа тогда же (лѣтомъ 1638 г.) писалъ путивльскому воеводѣ Плещееву, что „подданные кн. Іереміи В—аго, поднявся въ нынѣшнюю свою козацкую войну отъ мѣста Гадяцкого, *нѣсколько тысячъ* ушли въ Путивль“.. Такимъ образомъ мы видимъ, что послѣдствіемъ усмиренія козачьяго возстанія 1638 года былъ общій переполохъ между населеніемъ Лубенщины, которое боясь за свою участь, стало покидать послѣднюю, двигаясь далѣе на востокъ. Происходившая такимъ образомъ убыль въ населеніи Лубенщины нарушала матеріальные интересы Іереміи и требовала принятія съ его стороны предупредительныхъ мѣръ.

Повидимому, съ цѣлію упорядочить свои „заднѣпрскія маетности“ личнымъ надзоромъ, В—ій рѣшилъ самъ переселиться въ Лубенщину. Очень можетъ быть, что онъ имѣлъ въ виду при этомъ—личнымъ пребываніемъ въ послѣдней,—предупредить на будущее время и тѣ козацьи возстанія, которыя такъ невыгодно отражались на экономическомъ благосостояніи „заднѣпрскихъ“ его маетностей. Рѣшивъ вопросъ о своемъ переселеніи на лѣвый берегъ Днѣпра, В—ій, какъ кажется, одновременно рѣшилъ и другой вопросъ—о своей женитьбѣ. Женился онъ, какъ извѣстно, на дочери короннаго канцлера Фомы Замойскаго—Гризельдѣ. Недавно, въ одной газетной статьѣ, явилось подробное описаніе этой женитьбы²⁾, сдѣланное, повидимому, на основаніи современныхъ событію свѣдѣній. Въ этомъ описаніи читаемъ, что В—ій, вернувшись, послѣ усмиренія козаковъ, въ правобережныя свои имѣнія, направился затѣмъ въ Варшаву, гдѣ и встрѣтилъ только что прибывшую изъ заграницы, въ свитѣ королевы Цециліи Ренаты,—Гризельду Замойскую, „особу мо-

¹⁾ Акты Ю. З. Россіи, III, 10.

²⁾ Gazeta narodowa 1890 г., № 23.—«*Ślub księcia Jeremiego Wisniowieckiego z Gryzeldą Zamoyską, odprawiony we Lwowie (dnia 1 grudnia 1637)*». Статья подписана—R. Lew.

лодую, разсудительную, болѣе привлекательную добротою и качествами сердца, чѣмъ красотою; безобразной она, правда, не была, но не обладала и совершенной красотой...“ Когда Іеремія В—ій посватался, причѣмъ сватомъ былъ самъ король (Владиславъ IV), то „старикъ Замойскій, смотрѣвшій на родъ и славу Вишневецкихъ, качъ на первый клейнотъ короны, съ искреннею радостью выслушалъ просьбу В—аго и сейчасъ же послѣ коронаціи королевы, въ присутствіи Владислава IV и его супруги, иностранныхъ пословъ, сановниковъ (рапѳовъ) коронныхъ и литовскихъ, бывшихъ въ Варшавѣ, обручилъ свою дочь за Вишневецкаго. Во время этого торжества, по *описанію современника*, устроеннаго по старосвѣтскимъ обычаямъ, стрѣляли изъ пушекъ, состязались въ рыцарскихъ упражненіяхъ... Эти торжества продолжались шесть дней...“ Затѣмъ В—ій пригласилъ гостей на свадьбу во Львовъ, *къ 1 декабря 1637 г.*—Просилъ В—ій при этомъ и короля съ королевой, „но король, будучи дурно къ нему расположенъ, отказалъ В—ому въ этомъ, а назначилъ только своими замѣстителями на эту церемонію пословъ. Съ сильнымъ раздраженіемъ противъ придворныхъ льстецовъ покинулъ кн. Іеремія столицу и во главѣ своего десяти тысячнаго войска отправился во Львовъ, куда прибылъ къ концу ноября и занялъ роскошное помѣщеніе на городскомъ рынкѣ, въ угловомъ домѣ, недалеко отъ кафедральнаго собора... Отсюда 29-го ноября Іеремія В—ій, въ сопровожденіи родственниковъ, князей и многочисленной шляхты, выѣхалъ на встрѣчу Гризельдѣ до Грудка, откуда, послѣ пышнаго пріема, всѣ отправились во Львовъ... При громѣ пушекъ и звукахъ музыки ѣхала великолѣпная золотая карета, въ которой сидѣла Гризельда съ матерью и сестрой Іоанной-Варварой, впоследствии женою Александра Конецпольскаго. Рядомъ съ невѣстой ѣхалъ В—ій на великолѣпномъ турецкомъ конѣ, убранномъ жемчугомъ и дорогими камнями. Во второй каретѣ ѣхалъ Замойскій съ женами Чарторыйскихъ, въ третьей—Чарторыйскіе, въ четвертой—Збаражскіе, Воронежскіе и Корецкіе... На другой день, 1 декабря, въ 10 часовъ утра, при пушечныхъ выстрѣлахъ, въ золотой каретѣ, запряженной шестью бѣлыми какъ снѣгъ лошадьми, пріѣхалъ

кн. Іеремія, въ сопровожденіи шести родственниковъ-князей, съ женами и дѣтьми,—за невѣстой... Гетманъ Конецпольскій сидѣлъ рядомъ съ Іереміей, въ качествѣ старосты; друзьями были Николай Потоцкій, Юрій Оссолинскій и друг... У порога храма молодые, по старому обычаю, принявъ родительское благословеніе, вошли, при звукахъ музыки, внутрь храма, къ главному олтарию, гдѣ, ставъ на приготовленныя подушки, молились всю обѣдню, которую совершалъ архіепископъ львовскій Гроховскій; послѣ обѣдни, молодые заняли княжескія кресла и слушали поученіе о супружеской жизни отъ епископа краковскаго. Пріобщившись, поклонились у подножія алтаря въ любви, вѣрѣ и страхѣ божіемъ и цѣловали крестъ изъ рукъ архіепископа, вмѣстѣ съ отцомъ и гостями. Знатнѣйшими гостями при обрядѣ были: кн. Острожская, дочь воеводы Волынскаго, ея братъ кн. Острожскій, Чарторыйскіе, Збаражскіе, Корецкіе, Воронежскіе съ женами и дѣтьми, Станиславъ Конецпольскій, Николай Потоцкій, Криштофъ Радзивиль, Лука Жолкѣвскій, Мартынъ Калиновскій, Александръ Конецпольскій, Юрій Оссолинскій, послы Владислава IV,—Григорій Кнапскій и ксензь-каноникъ Матвѣй Любинскій, послы Юрія Ракочія и много пановъ изъ Литвы и Руси.—По совершеніи обряда костель огласился пѣніемъ *veni Creator*,—пѣлъ, съ акомпаниментомъ органа, органистъ, получившій за это отъ В—аго прекрасное село. Молодые пѣшкомъ пошли, при пушечныхъ выстрѣлахъ, въ костелы о. о. доминикановъ, бернардиновъ и кармелитовъ, и до вечера молились, дѣлая богатыя вклады. Въ фамильныхъ актахъ В—ихъ есть упоминаніе, что кн. Іеремія В—ій издержалъ на свадьбу 250000 злотыхъ. Во Львовѣ она продолжалась 15 дней... Утромъ 16 декабря молодые оставили Львовъ и, послѣ короткаго пребыванія въ Замостьи, уѣхали въ Вишневецъ. Въ этомъ любопытномъ описаніи положительно указывается, что В—ій вѣнчался 1 декабря 1637 г., но этотъ годъ возбуждаетъ сомнѣніе уже и потому, что Іеремія усмирялъ козаковъ въ 1638 г., а женился онъ, по словамъ самого автора приведеннаго описанія, уже послѣ усмиренія. Кромѣ того, въ недавно напечатанной, въ польскомъ историческомъ жур-

налѣ, замѣтлѣ—о годѣ рожденія короля *Михаила Вишневецкаго* ¹⁾), указывается печатная „рѣчь“ (kazanie), сказанная иезуитомъ Чарноцкимъ—„w dzień ślubu... xiążęcia j. m. Ieremiego... Wiśniowieckiego z j. ur. panną j. m. p. Gryzeldą Zamoyską, miane w Zamosciu, w kościele farskim, w niedzielę przed mięsopesty 1639.“ Такимъ образомъ здѣсь указывается, что день свадьбы В—аго былъ де 6 марта 1639 г.—Повидимому, г. Левъ въ своемъ описаніи ошибся въ годѣ, указавъ 1637-й годъ вмѣсто 1638-го, когда усмирены были козаки, но въ мѣсяцѣ женитьбы—здѣсь ошибки, повидимому, не должно быть, такъ какъ уже очень точно показаны ноябрскіе и декабрскія числа. Сказанная же 6 марта 1639 г. рѣчь иезуита Чарноцкаго, повидимому, говорена была не въ день вѣнчанья, а по поводу недавняго вѣнчанья, въ то время, когда, послѣ свадьбы, молодые гостили у Замойскихъ...

Какъ бы то ни было, но въ нач. 1639 г. В—ій былъ уже женатъ, при чемъ въ жены себѣ выбралъ pannу, хотя и некрасивую, но нѣсту завидную, руки которой искалъ и другой знатный князь. Въ напечатанномъ Войццкимъ сборникѣ—*Biblioteka starożytna pisarzy polskich* ²⁾),—помѣщено между прочимъ и нѣсколько *разговоровъ умершихъ поляковъ*; это была очень любимая въ XVIII в. форма историческихъ повѣствованій, въ которыхъ нерѣдко приводятся интересныя свѣдѣнія, къ сожалѣнію безъ указанія лишь ихъ источниковъ. Здѣсь напечатанъ, между прочимъ, и *разговоръ короля Собѣскаго съ Іереміей Вишневецкимъ*. На вопросъ короля о томъ, какъ Іеремія женился, послѣдній сообщаетъ интересныя подробности—какъ о наружности своей жены, такъ и о томъ, какъ она изъ двухъ одинаково знатныхъ жениховъ, выбрала его, Іеремію ³⁾. Нужно по-

¹⁾ Kwartalnik Historyczny 1895 г. № 3, стр. 485.

²⁾ Warszawa, 1843—1844, шесть книжекъ.

³⁾ Іеремія о своей женитьбѣ сообщилъ Собѣскому слѣдующее: „Miał za sobą Gryzeldą Zamoyską *cale nie urodną, ale serca i rozumu męskiego, przy wysokiej spocie w tym ożenieniu niszey particularitatem nie znajduje, tylko że ta panna z xieżney Ostrogskiej, woiewody wołyńskiego Alexandra córki zrodzona, a zpłodzona z Tomasza Zamoyskiego, kanclera w. koronnego, nie tak urodą iak wysokością kolicacy i posagiem powabna, miała nie tylko mnie, ale i Dominika x-cia Ostrogskiego z Zastawskiej linii konkurenten; małośmy się nie pobili kilka razy, tak o punkt honoru za*

лагать, что основою разказа были историческія свѣдѣнія, опровергающія такимъ образомъ новѣйшее повѣствованіе объ „извѣстной красотѣ“ Гризельды. Вотъ съ этою то Гризельдою, обладавшею сердцемъ и умомъ мужчины, Іеремія и переселился на лѣвый берегъ Днѣпра,—для дальнѣйшаго экономического устроенія тамошнихъ своихъ маетностей.

Что же представляли собою „заднѣпрскія“ маетности В—аго въ это время?—Хотя свѣдѣнія наши о состояніи населенныхъ мѣстъ Лубенщины въ тридцатыхъ годахъ XVII в. очень скудны и отрывочны, однакожь не до такой степени, чтобы нельзя было получить понятія объ успѣхахъ, достигнутыхъ колонизаціей въ Лубенщинѣ за первые сорокъ лѣтъ (1590—1630). Перечислимъ всѣ извѣстныя въ это время населенныя въ Лубенщинѣ мѣста ¹⁾.

Лубны. Раина Могилянка, жалуюсь въ 1618 г. на мужниаго брата Юрія В—аго за отнятіе имѣній умершаго Михайла В—аго, называетъ между прочимъ—*Stare i Nowe Lubnie, Alexandrow zwane*. Имѣя свѣдѣніе, что лубенское населеніе въ это время размѣщалось (см. ниже) въ центрѣ городка и на его предмѣстьяхъ, слѣдуетъ заключить, что подъ именемъ *Старыхъ Лубенъ* разумѣлся замокъ и мѣсто, расположенные на мѣстѣ *старого* лубенскаго городища, а *Новые Лубны* состояли изъ предмѣстій, возникшихъ вокругъ этого городища. Возобновленіе

---

urodę Heleny Trojanskiey, podczas stania x-że Ostrogski był piękny, młody, biały, ale delikatny, ospały zgoła, nie udatny; ia zaś byłem dużo czarniawy, nie wielki-ale rzeński i w stanie ładny, kibitny i aż nazbyt skłonny. Przekupował x-że Ostrogski baby i panny, że mnie ganiąc, mego rywala wychwalali przed panną. Raz gdy baba pannie (która na mnie lepiej iak na tamtego patrzała) movi: dla Boga coś to upatrzyła v xięciu Wiszniowieckim, on czarny,—panna odpowiedziała: nie frasuy się, nie rozczerni on mnie. I ta decyzya była dekretem, bo rodzice na nią zdali obranie kawalera, nie chcąc sobie nas kiążat obu możnych, zasnych i bogatych sami urazic“. T. VI, str. 87. Г. Кулишъ говоритъ, что Іеремія В—ій женился „на извѣстной своей красотю Гризельдѣ Замойской.“ („Отпаденіе“, II, 199 и 207). Сколько намъ извѣстно, нигдѣ въ польскихъ источникахъ о красотѣ Гризельды не говорится. Единственное уиоминаніе о ея наружности, приведенное здѣсь, говоритъ противное. Видно, что свѣдѣніе г. Кулиша основано на одной его *вѣроятности*...

¹⁾ Для этого мы пользуемся книгой г. Яблоновскаго—*Zródła Dziejowe*, тома XX и XXI, „тариффами“ 1631 г. (Арх. Ю. З. Р. ч. VU, т. I, стр. 356—411) и выписками изъ нихъ же, напечатанными въ Киевск. Г. Вѣд. 1869—70 г.г., Новицкимъ.

поселенія на мѣстѣ стараго лубенскаго городища послѣдовало, какъ мы уже видѣли, ок. 1590 г., а въ 1591 г. возобновленному подѣ именемъ *Александрова* городку дано было, по свидѣтельству польскихъ источниковъ, уже и магдебургское право ¹⁾. Обѣ укрѣпленія лубенскаго *замка* можно судить уже и потому, что Михаилъ В—ій переправилъ сюда изъ Овруча 43 пищали (*hakownic*) ²⁾. Первое наше свѣдѣніе о лубенской администраціи относится къ 1623 г., когда Лубнами правилъ Мартынъ Нагурскій, „староста лубенскій.“ Населеніе города въ это время дѣлилось: на „громаду“ и „товариство“. Представителями „громады“ были: „войтъ лубенскій“ Федоръ Бышовець и бурмистры: Иосифъ Свитайло, Сидоръ Адамовичъ, Олекса Товкачъ, Миско Марченко, Иванъ Витязъ, Иванъ Бей, Федоръ Печеникъ. Всѣ эти лица, составляя громадскую администрацію, подписывая юридическіе акты, заносимые въ „книги мѣскія ратуша лубенскаго“, добавляли—„зо всею громадою,“ указывая на то населеніе *мѣста* Лубень, которое поэтому и называлось *мѣщанами* и которому противопологалось „товариство.“ Послѣднее въ 1623 году представлялось въ такомъ видѣ: „Стефанъ Жукъ, атаманъ войска запорожскаго лубенскій, Федоръ Пирскій, Янъ Гендрикъ, Стась Яблоновскій зо всѣмъ товариствомъ.“ Судя по именамъ, Гендрикъ и Яблоновскій были поляки, хотя по акту, изъ котораго мы беремъ свѣдѣнія о нихъ, лица эти вмѣстѣ съ другими членами „громады“ и „товариства“, отдали—„*духъ*, которій сполечне зъ собою мѣли, кождій свою часть, на рѣчцѣ Олшанцѣ, за прозбою отца владыки о. Ісаи (Копинскаго), до монастыра Мгарскаго лубенскаго, на хвалу божію.“ Изъ этого же акта, между прочимъ, видно еще, что въ этотъ моментъ Лубны назывались одновременно и Лубнами, и Александровомъ; Нагурскій подписался старостою *александровскимъ*, а Бышо-

¹⁾ Słownik Geogr., XIV, 228. (Обширная статья г. Яблоновскаго—*Zadnieprze*).

²⁾ Архивъ Ю. З. Россіи, ч. 7 т. II, стр. 413. Лиде говорятъ, что гаковница „(rodzaj strzelby długiej) dawniej po fortcach w mocnym były używaniu.“

вещь—войтомъ *лубенскимъ* ¹⁾. Упоминаемый здѣсь Исаія Копинскій, управляя въ это время Мгарскимъ монастыремъ, былъ въ то же время, такъ сказать, охранителемъ „восточнаго православія“ въ Лубенщинѣ. По его начинанію, въ 1622 г., было учреждено „въ градѣ Александровѣ братство церковное, при храмѣ церкви соборной *братской* пресв. Троицы ²⁾“. По сохранившимся въ *тарифахъ* свѣдѣніямъ населеніе Лубень въ 1628 г. представляется въ такомъ видѣ: „дымовъ рыночныхъ—18, уличныхъ—8, предмѣстныхъ—40, убогихъ хижинъ—80, попь—1, мельникъ—1, портныхъ—2, рѣзниковъ—4, сапожниковъ—4, кузнецовъ—2, „дударей“—2, рыбалокъ—4“ ³⁾. Изъ этого описанія видно, что собственно городъ, вмѣщавшій *замокъ* и *мѣсто* (рынокъ), заключалъ въ себѣ 26 *домовъ*, изъ которыхъ 18 домовъ окружали рыночную площадь, а 8—расположены были въ улицахъ, примыкавшихъ къ этой площади. Остальное населеніе размѣщалось въ 120-ти домахъ, составлявшихъ, повидимому, *Новые Лубны*, поселеніе отдѣльное отъ *замка*, при чемъ 40 домовъ этого поселенія принадлежали людямъ болѣе менѣе имущественнымъ, а 80—бѣднымъ. Всѣхъ домохозяевъ было въ замкѣ и его предмѣстьяхъ—около полутораста.

Мгарскій хуторъ, возникшій около монастыря, по акту Лубенскаго старосты (?) Андрея Калиновскаго, въ 1624 г. былъ отданъ въ „посессию“ Исаіи Копинскому: „по приказу князя его милости (опекуна кн. Константина?), хуторъ Мгарскій, съ подданными на томъ грунтѣ сидящими, пускаемъ въ посессию его мил. о. Исаіи, епископу, архимандриту; при этомъ—по отношенію къ подданнымъ мгарскимъ, живущимъ на томъ грунтѣ, около „млинка“ монастырскаго, уступаю (*ustepuię*) золотыхъ 30, которые по ласкѣ князя его мил. имѣетъ аренда лубен-

¹⁾ Акты Мгарск. м—ря, л. 322 об. По акту 1628 г. войтомъ александровскимъ (лубенскимъ) значится Федоръ Луневичъ или Лунь, а бурмистрами: Нячпоръ Кудренко, Федоръ Печеникъ и Ланко Зубкевичъ.

²⁾ Постановленіе объ учрежденіи троїцкаго братства въ Лубвахъ помѣщаемъ въ *приложеніяхъ*.

³⁾ Тутъ же показано, что водяныхъ мельницъ („колесъ“) въ Лубвахъ было пять и при нихъ—суеновалень двѣ.

ская". Упоминаемый здѣсь хуторъ безъ сомнѣнія есть теперешнее село Мгарь.

Александровка. По акту 1617 г. показаны—*Lubni* albo *Alexandrow*, и отдѣльно—*m. Alexandrowka*, которая слѣдовательно обозначаетъ теперешнее село Александровку, расположенную при р. Слѣпородѣ и основанную, судя по названію, при Александрѣ Вишневецкомъ.

Лукомль. По акту 1604 г. владѣлецъ Жеребятина (перясл. у.), жалуется на Михайла В—аго за пріемъ въ Лукомль его бѣжавшихъ крестьянъ. Въ 1628 г. Лукомль былъ вторымъ послѣ Лубенъ, по населенію, городомъ. На составъ населенія этого городка можетъ указывать слѣдующее свидѣтельство мгарскаго монаха, относящееся къ 1625 г. и записанное въ 1671 г.— „Року 1625, за панства лядского, скоро монастырь (Мгарскій) ставъ будоватися, *человѣкъ лукомскій* на имя Кирилль, пріѣхавши до монастыря, порадивъ чернцомъ (монахамъ)—барзо, мовить, добре на Красныхъ (урочище на Сулѣ, около Лукомля) рыбу ловити, я васъ, мовить, самъ тамъ заведу и способъ покажу, которого рады (совѣта) послухавши, заразы чернцювъ зъ нимъ послали и онъ ихъ тамъ завѣвъ; которій то Кирилль потомъ и самъ засталъ чернцемъ у Мгарѣ и дали ему имя Кипріанъ, и вчинили (его) старшимъ рибалкою, и послали его на Красніе, и зоставалъ старшимъ рибалкою, начальникомъ, ажъ до смерти, бо тамъ на плавняхъ и умеръ. *А панове у Лукомль были тихъ часовъ тіе:* п. Мокрскій, п. Дашкувскій, п. Война, п. Замойскій, а жадной кривди и перешкоды чернцямъ у ловленію рыбъ на Красныхъ тіи панове не чинили; ащо-бы где якое мужицкое жерело было, того не было. Правда, що волно и мужикамъ ставити вятеръ было. Рыбалки панскіе всюди тамъ (около Лукомля, на Сулѣ) ловлювали рыбу, щобъ що тижня на потребу панскую рыба была; першій и старшій рыбалка былъ Махно, albo Матвѣй, другій Васко Губаръ, третій Германъ, а четвертый Цвей прозвыскомъ, которій то Цвей чернцюмъ на своей части позволилъ жерело прокопати“¹⁾...

¹⁾ Акты Мгарск м-ря, л. 319 об.

Упомянутые въ этомъ показаніи „паны“—Мокрскій и др.—принадлежали, нужно думать, къ составу администраціи, такъ какъ другихъ собственниковъ-пановъ въ Лубенщинѣ, помимо Вишневецкаго, не было. Лукомскіе „мужики“, какъ видимъ, никакихъ правъ собственности, напр., въ рыбныхъ ловляхъ по Сулѣ, не имѣли, изъ чего можно заключить, что не имѣли они правъ собственности и въ какомъ либо другомъ недвижимомъ имуществѣ. Въ Лукомлѣ въ это время было: „дымовъ рыночныхъ—10, уличныхъ—25, предмѣстныхъ—24, убогихъ хижинъ—45“, причемъ показаны еще: священникъ—1, мельникъ—1¹⁾, портной—1, рѣзчикъ—1, кузнецъ—1, „дудка“—1, рыбалокъ—2. Какъ видимъ и въ Лукомлѣ—въ *замкѣ* и въ *мѣстѣ* было 35 домовъ, а на предмѣстьяхъ—69, т. е. всего болѣе ста дворовъ.

Хоролъ по „тариффѣ“ 1631 г., здѣсь: дым. рынок.—8, уличн.—15 и предм.—8. Носилъ названіе—и *Ярослава*²⁾.

Горошинъ по актамъ 1618 г. называется *новою осадю*, причемъ видно, что первое населеніе сюда пришло изъ Лишви и Сосновки³⁾.

Буромль. По акту 1609 г. упоминаются *буромскіе* подданные Михайла В—аго, а по „тариффѣ“ 1631 г. здѣсь дымовъ—5⁴⁾.

Жолнинъ. По актамъ 1604—1607 г.г., владѣльцы праваго берега Днѣпра жалуются на Мих. В—аго за пріемъ въ *Жолнинъ* бѣжавшихъ ихъ подданныхъ, причемъ видно, что въ числѣ

¹⁾ Мельничныхъ „колесъ“—2 и суеновальня—1.

²⁾ Такъ какъ въ числѣ Вишневецкихъ, имѣвшихъ отношеніе къ Лубенщинѣ, мы не знаемъ ни одного, который бы носилъ имя Ярослава, то можно предполагать, что новое названіе старому Хорольскому городищу усвоено было первыми его насельниками, пришедшими сюда изъ галицкаго Ярослава. Такое переселеніе ярославскихъ жителей могло имѣть мѣсто, напр., въ 1600 г., когда весь Ярославъ выгорѣлъ и его населенію приходилось „на powym korzeniu budować.“ *Wiadomość o m. Jarosławiu, Siarczyńskiego*, (Lwów, 1826), стр. 77. Такой же пожаръ случился въ Ярославѣ и въ 1625 г., выданный послѣ котораго Ярославскимъ жителямъ „привилей“ указываетъ, что и безъ пожара имъ жилось не легко. Т. ж., 83. Впрочемъ, кромѣ Ярослава галицкаго, есть и въ Подоліи (летичевск. у.) с. *Ярославка*.

³⁾ Лишви и Сосновка—обѣ деревни теперь въ Киевск. уѣздѣ.

⁴⁾ *Боремля* (мѣстечко) есть въ Дубенск. у., Волынск. губ.

бѣглецовъ было восемь человекъ изъ *Мозырскаго* повѣта. Въ 1618 г. кievскіе базилиане, владѣвшіе тогда имѣніями Михайловскаго м-ря, жаловались на Юрія В-аго за то, что онъ поселилъ Жолнинъ на ихъ землѣ, называемой Климятино. Ок. 1630 г. Жолнинъ платилъ В-имъ 180 злотыхъ повинностей.

Слѣпородъ въ 1628 г. имѣлъ дымовъ—2 и огородниковъ—6. Слѣдуетъ думать, что это поселеніе возникло около Слѣпородскаго м-ря, на возобновленіе котораго опекунъ Константинъ В-ій далъ разрѣшеніе, въ 1621 г., какому то священнику Зоилу ¹⁾).

Снятинъ по акту 1628 г. показанъ *новоослылымъ* (хотя упоминается уже и въ актѣ 1617 г.), при чемъ въ немъ значится: дымовъ осѣдлыхъ—5 и огородниковъ—10. Упоминаемыя въ „тариффахъ“ 1631 г. двѣ *Снятинки*, мѣстечко и село, находятся на правомъ берегу Днѣпра, въ теперешней Кіевской губерніи, въ Васильковскомъ уѣздѣ.

Сенча. Въ 1613 г. владѣлецъ Ржищева жалуется на Мих. В-аго за пріемъ бѣглыхъ его крестьянъ въ Сенчу. Жаловались тогда же и другіе правобережные владѣльцы за то же на В-аго, напр., въ 1618 г.—за крестьянъ, бѣжавшихъ, въ Сенчу же, изъ Рожева и Ходоркова. Ок. 1630 г. Сенча платила В-имъ 180 злотыхъ денежной повинности.

Лохвица. По акту 1628 г. значится здѣсь дымовъ осѣдлыхъ—6 и огородниковъ ²⁾), но это поселеніе упоминается уже и въ актѣ 1618 г.

Роменъ. По акту 1618 г. значится *Stare i Nowe Rumieńskie*. Указаніе здѣсь на два Ромна, старый и новый, можетъ быть объяснено такъ, какъ это сдѣлано и относительно Лубенъ (стр. 26), т. е., что *старымъ* Ромномъ называлось поселеніе сѣвшее на старомъ городищѣ, а *новый* Роменъ—былъ его предмѣстемъ.

Краснобережье упомянуто въ актѣ 1818 (см. выше, стр. 8), при чемъ названо новоосаженнымъ мѣстечкомъ. Мы вы-

¹⁾ Архивн. отрывки для исторіи Полтавск. епарх. (Полтава, 1887), стр. 39.

²⁾ Ср. *Źródła Dziejowe*, XX, 70.

сказали уже догадку, что м. б. это былъ тенерешній Красноколядинъ (Конот. у.), находеніе котораго на высокомъ берегу р. Ромна, съ живописными видами, могло усвоить ему названіе *Краснобережья*, вполнѣдствіи измѣненное добавленіемъ прозвища того урядника, который селилъ это мѣстечко.

Прилука. По акту 1617 г. упоминаются *Новая и Старая Прилуки*. И здѣсь можно думать, что *старую* Пр. названо поселеніе осѣвшее на древнемъ городищѣ, гдѣ былъ устроенъ замокъ и *мѣсто* (рынокъ), а *новою* Прилукою—названо поселеніе, возникшее на предмѣстьѣ (фольваркахъ). По акту 1628 г.—значится здѣсь всѣхъ дымовъ—40 и одинъ священникъ.

Переволочна (иначе—*Mieđzyrzecz*), по акту 1628 г. здѣсь дымовъ—2 и огородниковъ—4.

Варва по акту 1628 г. хотя и значится *новоосылою*, но въ ней въ это время уже находилось: дымовъ—10 и огородниковъ—20.

Журавка упоминается въ 1612 г., а въ 1618 г. сюда бѣгутъ крестьяне изъ Козловки ¹⁾). По акту 1628 г. платитъ В-имъ денежной повинности 60 золотыхъ ²⁾).

Многа ³⁾ известна уже по акту 1618 г., а по акту 1628 г. въ ней значится: дымовъ—8 и огородниковъ—8.

Пирятинъ. Изъ акта 1604 г. видно, что владѣлецъ Жеребятина (теперь Переясл. у.), Ложка жаловался на Мих. и Юр. В—ихъ за пріемъ его бѣглыхъ крестьянъ въ Пирятинъ, который въ актѣ 1613 г. называется: *Piratyn Nowy*, назв. *Mischajłow*; послѣднее названіе указываетъ, что Пирятинъ возобновленъ на „городищѣ“ Михайломъ В—имъ. По акту 1618 г. Пирятинъ платилъ В—имъ 225 злот. денежной повинности.

Курилка значится по акту 1618 г., а по акту 1628 г. здѣсь показано: дымовъ—5 и огородниковъ—10.

Перечисленные поселенія представляли собою почти исключительно *городки*, отновленные на старыхъ *городищахъ*, причѣмъ такой городокъ, одновременно съ его возобновленіемъ,

¹⁾ Козловка, или Мал. Чернятинъ,—теперь село Бердичевск. у.

²⁾ У Новице.—160 золотыхъ.

³⁾ Теперь—*Городище*, мѣстечко Лохвицк. у., при впаденіи р. Многой въ Удай.

укрѣплялся замкомъ, снабженнымъ „арматами“ и „гаковницами“¹⁾, подъ защитою котораго тутъ же возникалъ вмѣстѣ съ тѣмъ и торговый центръ—*мѣсто* (рынокъ). Можно догадываться, что въ приведенномъ перечнѣ поселеній указаны не всѣ поселенія, уже существовавшія въ это время въ Лубенщинѣ. Такъ, напр., здѣсь не упомянутъ Константиновъ (за Ромномъ), который въ люстраціи 1622 г. названъ „слободою“, съ добавленіемъ: „w tym roku zaszeła się osadzać, mają slobody do lat 20²⁾“. Были конечно и другія такія *слободы*, которыя только что начинали въ это время садиться и на бумагу еще тогда не попали...

Въ приведенныхъ свѣдѣніяхъ о существовавшихъ въ Лубенщинѣ въ перв. четверти XVII в. городкахъ,—обращаетъ на себя вниманіе малочисленность ихъ населенія, за немногими исключеніями. Очень можетъ быть, что населеніе нѣкоторыхъ изъ этихъ городковъ умалилось во время кратковременнаго захвата ихъ кн. Юріемъ В-имъ (см. стр. 8), такъ какъ при возвращеніи захваченной послѣднимъ части Лубенщины, по „декрету“ люблинскаго трибунала, возный Запольскій, приводившій этотъ декретъ въ исполненіе, говоритъ, что „при томъ отбираніи (маетностей), слышалъ онъ великіе нареканія съ плачемъ тамъ тыхъ людей, ижь ихъ—княжа его мил. панъ кіевскій (каштелянъ, т. е. Юрій В-ій) зубожилъ велми, выбираючи неслыханные податки пѣнежные, быдляріе (скотомъ), медовъ, накидане горилки и селитры... А на остатокъ, же внивецъ (въ ничто) зубожоно и зницоно, для чого тежъ *трохи не половица ихъ се розышла*“³⁾... Такимъ образомъ отсюда мы видимъ, что уже и въ первую четверть XVII в., только что осѣвшее въ Лубенщинѣ населеніе, снова снималось съ облюбленныхъ мѣстъ и шло далѣе, конечно, на востокъ. Значить то движеніе „подданныхъ“ В—аго къ Путивлю, о которомъ писалъ Коледа Плещееву въ 1638 г.

¹⁾ Когда въ 1618 г. передавались эти „замки“ Раицѣ В—ой, то „слуги“ послѣдней заботились, чтобы „армата, куле, порохи были цѣлы въ каждомъ месте и замку“. Кн. гродск. Житомирск. 1618 г., № 13, л. 1035. Кіевск. Центр. Арх.

²⁾ Źródła Dziejowe, V, 135.

³⁾ Книга гродск. Житомирск. 1618 г., № 13 лл. 1034 и 1035. Кіевск. Центр. Арх.

(стр. 22) имѣло мѣсто уже и раньше. Тѣмъ болѣе основаній, слѣдовательно, было у Іереміи В—аго для переселенія въ Лубенщину съ цѣлію — познакомившись на мѣстѣ съ положеніемъ тамошнихъ его маестностей, лично заняться дальнѣйшимъ ихъ устройствомъ и развитіемъ.

Свѣдѣнія о пребываніи Іереміи В. въ лѣвобережной Украинѣ отрывочны и сбивчивы. Сбивчивы эти свѣдѣнія особенно отъ значительнаго прибавленія къ фактамъ историческимъ—разныхъ личныхъ догадокъ позднѣйшихъ историковъ, причемъ догадки приводятся, какъ историческіе факты. Возьмемъ, напр., послѣднюю книгу Кулиша—„Отпаденіе Малороссіи отъ Польши“, напечатанную Московскимъ историческимъ обществомъ,—и что же мы въ ней находимъ относительно пребыванія В—аго въ Лубенщинѣ?—Съ увѣреннымъ тономъ сообщается объ этомъ такое свѣдѣніе: „Основавъ съ 1634 г. свою резиденцію въ Лубнахъ, В—ій въ религіозномъ отношеніи—не трогалъ монастырей, основанныхъ при покровительствѣ его матери. Онъ граничился только тѣмъ, что въ виду *обскурантовъ и пьяницъ*, водворялъ въ своихъ имѣніяхъ представителей священства и монашества католическаго, отличавшихся бытомъ просвѣщеннымъ и трезвымъ. Съ цѣлію уничтожить православные храмы и привлечь симпатіи лучшихъ людей (?) къ религіи облагороженной, В—ій построилъ доминиканскій, т. е. проповѣдническій, м—рь въ Прилукѣ и костелы—въ Лубнахъ, Ромнѣ, Лохвицѣ“... (II, 198). Всѣ эти факты сообщаетъ новѣйшій историкъ Малороссіи, не указывая источника, но такъ авторитетно, что какъ будто и сомнѣваться въ нихъ нельзя... Мы можемъ указать источникъ лишь свѣдѣній о доминиканскомъ монастырѣ и костелахъ; взяты они или у Нѣсѣцкаго ¹⁾ непосредственно или—у Свѣнцикаго ²⁾, который свою

¹⁾ Herbarz Polski, изд. Бобровича, IX, 356, гдѣ читаемъ: „fundował w Przyłuce o. o. dominikanów (Okolski, Russ. Flor., 57) kościoły w Lubnie, Rumnie, Zochwicy, w Wiśniowcu zaś wspaniałą stawiąc posząd bazylikę“...

²⁾ Historiczne Pamiątki, II, 298. Тѣ же источники, т. е. Нѣсѣцкій или Свѣнцикій, повидимому, послужили источникомъ и для Костомарова въ его разсказѣ о пребываніи Іереміи В—аго въ лѣвобережной Украинѣ, гдѣ читаемъ, что В—ій „владѣлъ огромными имѣніями въ Червоной Руси, на Волыни и въ Украинѣ, особенно въ пинѣшней Полтавской губерніи, принялся съ жаромъ *вводитъ католичество*, построилъ въ

компиляцію о Іереміи В—омъ составлялъ преимущественно по такой же компиляціи Нѣсѣцкаго. Интересно, что въ той же своей книгѣ Кулишъ рассказываетъ раньше о томъ же съ иными подробностями... Говоря объ отношеніяхъ В—аго къ лѣвобережнымъ монахамъ, Кулишъ говоритъ, что Іеремія терпѣлъ православныхъ монаховъ въ своей Лубенщинѣ только ради своего родственника Петра Могилы и что когда игумены лѣвобережныхъ монастырей обращались къ нему съ просьбами и жалобами ¹⁾, онъ отвѣчалъ имъ съ пренебреженіемъ и давалъ чувствовать близость насильственного перехода подъ главенство римскаго папы. За то въ Лубнахъ, Ромнѣ, *Хорольт и другихъ иородахъ* своихъ строилъ онъ костелы и при нихъ помѣщалъ католическихъ монаховъ разныхъ орденовъ, какъ помѣщаютъ въ замкахъ гарнизоны...“ (I, 212).—Приводя эти факты, основанные на однихъ догадкахъ, г. Кулишъ желаетъ сообщеніемъ ихъ показать, что цѣлью переселенія Іереміи на лѣвый берегъ Днѣпра былъ „насильственный переходъ населенія Лубенщины подъ главенство папы“, т. е., что В—ій желалъ и въ „зидѣпровскихъ“ своихъ маестностяхъ ввести ту же унию, которая въ это время уже царяла на правомъ берегу Днѣпра... Ближайшее изученіе источниковъ, повидимому, указываетъ, что Іеремія переселялся въ Лубенщину съ цѣлями экономическими, а не религиозными... Кажется, нельзя сомнѣваться, что В—ій переселился въ Лубенщину на жительство уже послѣ женитьбы, ²⁾ т. е. не раньше 1639 г., а слѣдовательно только черезъ годъ послѣ

Прилукахъ доминиканскій монастырь, костелы въ Лубнахъ, Ромнѣ, Лохвицѣ, посещая единоземцевъ (?), переходившихъ въ католичество и гналъ схизматиковъ, какъ называли поляки православныхъ... „(Богд. Хмельн., изд. 4, I, 327).—Трудно понять, изъ приведеннаго мѣста—гдѣ собственно В—ій принялся „вводить католичество“?—Вообще л. въ своихъ имѣніяхъ или же только въ его имѣніяхъ теперешней Полтавской губерніи?...

¹⁾ Здѣсь г. К—шъ разумѣетъ конечно обращеніе къ В—му Густынскаго игумена въ 1638 г. (см. стр. 21), такъ какъ другихъ такихъ обращеній—по атамъ—не извѣстно.

²⁾ Для усмиренія козацкаго возстанія въ предѣлахъ Лубенщины въ 1638 г. Іеремія пришелъ „rod Lubnie“ съ войскомъ, (Dyaguzsz Окольскаго, изд. Туровскаго 1858 г., стр. 129), повидимому, съ праваго берега Днѣпра; слѣд., въ это время онъ тутъ еще не жилъ...

усмиренія козаковъ, когда изъ лѣвобережныхъ его имѣній бѣжало „нѣсколько тысячъ подданныхъ“ въ Московское государство, когда туда же бѣжали лѣвобережные монахи, когда, однимъ словомъ, въ Лубенщинѣ царилъ общій переполохъ, такъ какъ тогдашнее ея населеніе ожидало новыхъ насилій, послѣ испытанныхъ уже при усмиреніи Острияницы и Гуни... Отсюда мы имѣемъ достаточное основаніе заключать, что В—ій переселился въ Лубенщину не для того, чтобы снова устрашать и разгонять ея жителей, а для того, чтобы призывать туда новыхъ, — для пополненія произшедшей въ населеніи убыли... И конечно не постройкою костеловъ въ Прилукѣ, Ромнѣ, Лохвицѣ, Хоролѣ, и „другихъ городахъ“ и не размѣщеніемъ въ этихъ городахъ „католическихъ монаховъ въ качествѣ духовныхъ гарнизоновъ“ — могъ В—ій привлекать въ Лубенщину новыхъ *слобожанъ*. При всемъ этомъ, свѣдѣнія объ этихъ костелахъ болѣе чѣмъ сомнительны. Достоверное имѣется свѣдѣніе объ одномъ только Лубенскомъ кляшторѣ. Мы уже видѣли, что Кулишъ въ одной своей работѣ 1863 г. указываетъ на разореніе въ Лубнахъ *бернардинскаго* монастыря (стр. 20), случившееся будто бы вслѣдъ за Кумейскимъ пораженіемъ козаковъ. Повторяя это свѣдѣніе черезъ 25 лѣтъ, Кулишъ не говоритъ уже о монастырѣ, а лишь объ одномъ костелѣ („Отнад.“ I, 238). Но въ Лубнахъ былъ дѣйствительно устроенъ католическій монастырь („конвентъ“) и при томъ бернардинскій ¹⁾. О постройкѣ же костеловъ въ Ромнѣ,

¹⁾ По акту 1647 г. Іеремія В. отдалъ Александру Замойскому г. Лубны, со всѣми его угодьями и хуторами, въ арендное пользованіе, на три года, за 21 т. польск. злот., считая въ годъ по 7 т. злот., при чемъ сумму эту Замойскій обязанъ былъ уплачивать *оусот Лубиѣнскіею конвенту бернадупот...* „Арх. Ю. З. Россіи, т. VII ч. 1, стр. 462. Окольскій, говоря о „конвентахъ“ въ „русской провинціи“, построенныхъ орденомъ бернардиновъ, тоже указываетъ *Лубны (Lubniam). Russia Florida (Leopoli, 1646)*, стр. 25. Послѣ изгнанія поляковъ, бернардинскія имѣнія отданы были Хмельницкимъ Мгарскому монастырю. Въ одной купчей записи 1667 г. читаемъ, что братья Науменки, „визовцеіе мешкацы, продали Мгарскому м—рю два „лиза“ за „шесть золотыхъ“, при чемъ добавляють: „щосмо купилисмо были въ группахъ бернардинскихъ, на вочищи, прозываемомъ Тернахъ, изовъ два увъ озерлахъ, бернардинскихъ, которыхъ то изовъ уживалисмо по збуреню кляштора лубенского... яко п. гетманъ в. Зап. Богданъ Хмелинецкій тие всѣ грунта кляшторвіе на вочищахъ, прозив. Тернахъ, що предъ симъ уживали бернадинаи кляштора Лубенского... тое все надалъ велебнімъ отдамъ заковникамъ м—ра Мгарского Лубенского на нисмѣ своемъ“... Акты Мгарск. м—ря, л. 256 об.

Лохвиць, Хоролѣ никакихъ свѣдѣній въ извѣстныхъ намъ печатныхъ и письменныхъ источникахъ—нѣтъ. Да, повидимому, не для кого ихъ было и строить, такъ какъ католиковъ въ Лубенщинѣ много быть тогда не могло: кромѣ „дворянъ“ В—аго и разныхъ его „старость“ и прочихъ „слугъ“, другимъ католикамъ не откуда тамъ было взяться; для такого же незначительнаго числа католиковъ достаточно было и одного монастырскаго костела въ Лубнахъ. Поэтому, можно думать, что упоминаемыхъ Булишемъ костеловъ вовсе не существовало. Можетъ быть сомнѣніе лишь относительно доминиканскаго конвента въ Прилукѣ.

Упомяная объ этомъ конвентѣ, Нѣсѣцкій дѣлаетъ ссылку на книжку Окольскаго—*Russia Florida*. Дѣйствительно въ этой книжкѣ говорится, что избранный въ 1644 г. провинціаломъ „русской провинціи“ доминиканецъ Геронимъ Грохольскій заботился объ устройствѣ новыхъ конвентовъ въ своей провинціи („curavit aliquod loca pro conventibus erigendis“), причѣмъ вслѣдъ за этою фразою слѣдуетъ, какъ будто въ видѣ ея поясненія: „in Lipowiec, haereditate ducis in Zastaw et Ostrog per gen. d. Wilga, suum consanguineum, in Przyłuka per illustrissimum ducem in Wisniowiec Jeremiam, palat. Russiae...“ (стр. 57). Что хотѣлъ сказать этими словами Окольскій—понять трудно... Былъ ли устроенъ въ Прилукѣ „кляшторъ“ или только дано было обѣщаніе на его устройство? ¹⁾ При этомъ Окольскій указываетъ здѣсь 1644-й годъ, а книжка, въ которой онъ говоритъ объ этомъ, появилась въ печати въ 1646 г., почему можно думать, что здѣсь сообщается свѣдѣніе лишь объ одномъ только намѣреніи провинціала Грохольскаго, на дѣлѣ потомъ не осуществленномъ. Во всякомъ случаѣ никакихъ мѣстныхъ свѣдѣ-

¹⁾ При рѣшеніи вопроса о кляшторѣ въ Прилукѣ—слѣдуетъ кромѣ того имѣть въ виду, что есть еще *Прилука* и—на правомъ берегу Днѣпра (теперь—въ Бердяч. у.), которая въ перв. пол. XVII в. уже была центромъ цѣлаго ключа (*Zródła Dziejowe* XX, 123, 135 и друг.) Могло случиться, что Окольскій лишь по ошибкѣ назвалъ Прилуку Геремію В—аго, вмѣсто правобережной, находившейся въ той же Украинѣ, гдѣ былъ и Липовець, въ которомъ Грохольскій тогда же хотѣлъ устроить или и устроилъ—доминиканскій конвентъ. Правобережная Прилука одно время принадлежала (повидимому, ок. 1630 г.) Консгангину *Винишвецкому*, бывшему и *палатиномъ* (т. е. введою) *русскимъ* (*Słown. geograf.* IX, 219).

ній о существованіи католическаго кляштора въ Прилукѣ до сихъ поръ мы не встрѣтили ¹⁾.

Въ виду преведенныхъ соображеній о томъ—могли ли въ дѣйствительности быть въ Лубенщинѣ называемые г. Кулишемъ кляштори и костелы, слѣдуетъ, кажется, рѣшить этотъ вопросъ такъ, что кромѣ Лубенскаго кляштора, другихъ кляшторовъ или костеловъ—не было ²⁾.

Затѣмъ, въ той же книгѣ Кулиша читаемъ, что поселившись въ Лубнахъ, В—ій „отнюдь не дозволялъ Московскимъ пограничникамъ переходить за черту его владѣній у Недригайлова, подѣ Путивлемъ, а Крымская орда, вторгавшаяся въ западную Украину, черезъ древнее Поросье,—не смѣла съ востока перейти Ворскло и Псель, чтобы ясырничать на Посуліи...“ (I, 199). И здѣсь видимъ тѣже личныя догадки, которыя приводятся, какъ факты... Но дѣло въ томъ, что „Московскимъ пограничникамъ“ житье около Недригайлова было, повидимому, привольнѣе, чѣмъ въ Лубенщинѣ ³⁾, которая ихъ поэтому вов-

¹⁾ При этомъ разумѣемъ хотя бы такія свѣдѣнія, какія сохранились относительно Лубенскаго бернардинскаго м—ря. Думается, что если бы въ Прилукѣ дѣйствительно устроенъ былъ кляшторъ, то В—ій долженъ былъ надѣлать его землею, а если бы была такая земля, то Густынскіе монахи не упустили бы случая выпросить ее (хотя бы по примѣру Мгарскаго м—ря) у Хмельницкаго... Но ни въ универсалахъ этого гетмана, ни въ другихъ документахъ Густынскаго м—ря о Прилудкихъ доминиканахъ никакихъ упоминаній нѣтъ, при чемъ добавляемъ, что всѣ поземельные документы Густынск. м—ря нынѣ находятся въ Кіевск. центр. арх., куда поступили въ 1895 г. изъ Черниг. казен. палаты.

²⁾ Пользуясь книжкой Окольскаго—*Russia Florida*, можемъ сообщить, что кромѣ Лубенскаго, въ лѣвобережной Украинѣ, до полов. XVII в., были еще только слѣдующіе кляшторы: въ Черниговѣ, Новгородсѣверскѣ и Нѣжинѣ, причемъ о времени основанія ихъ Окольскій сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія (стр. 119—123). О количествѣ „братіи“ въ этихъ кляшторахъ говорится лишь относительно Нѣжинскаго—„*manent ibi 4 fratres*“. Наряду съ Нѣжинскимъ, Черкасскимъ и Н.сѣверскимъ кляшторами называется также и Снятинскій, но здѣсь разумѣется Снятинъ правобережный (стр. 31), а не Лубенскій. Къ этому правобережному Снятину должны быть отнесены и цифры о его населеніи помѣщенныя въ „тариффахъ“ за 1628 г., когда въ 1628 г. было въ Снятинѣ правобережномъ (теперь В. Снятинка—Васильк. у.) было 30 дымовъ.

³⁾ Иначе они не уходили бы въ Московскіе предѣлы, на что жаловался староста Р—аго, говоря о бѣгствѣ туда нѣсколькихъ тысячъ.

се и манить не могла. А относительно татарскихъ набѣговъ—случилось, что въ первый-же годъ переселенія В—аго въ Лубенщину, этому, будто бы недоступному, Посулію—пришлось испытать жестокое „ясырничанье“ татаръ. Въ февралѣ 1640 года 1) татары разоряли оба берега Днѣпра, при чемъ на лѣвомъ берегу доходили до Прилуки. „И воевавъ де онѣ, татарове, вышли изъ Литовской земли вонъ назадъ, и тѣхъ де татаръ погромилъ подъ г. Горопиномъ гетманъ Конецпольскій да Замойскій, за Лащъ, и отшибли де у тѣхъ татаръ Московскаго полону *тысячи съ три...*“ Такъ доносилъ въ Москву Путивльскій воевода Пушкинъ, а еще подробнѣе рассказалъ объ этомъ набѣгѣ одинъ кіевскій монахъ, пріѣзжавшій въ Москву съ грамотою отъ митрополита Могилы. „Приходили подъ Кіевъ за 15 верстъ изгономъ крымскіе татаровя, а изъ подъ Кіева тѣжъ татаровя были за Днѣпромъ, подъ Прилуками, *въ Вишиневецкаго имѣніяхъ*, и въ Переяславскихъ мѣстахъ, *куды татаровя николи не захаживали* 2), и многія села и деревни пожгли, и людей многихъ побили, и въ полонъ поимали... А потому въ Литовской землѣ всякихъ людей поимали до 100.000 человекъ 3), опричь тѣхъ, сколько побито... И воевавъ татаровя Литовскую землю, пошли всѣ назадъ и полонъ, и лошади погнали въ свою землю. А за татары пошелъ ихъ шляхомъ гетманъ Конецпольскій, а пошло съ нимъ съ 40000 людей, а итти хотѣлъ до ихъ земли, и нынѣ де тотъ слухъ есть, что ихъ дошелъ и гро-

1) Извѣстно, что татары предпочитали дѣлать свои набѣги зимою, вѣроятно, для избѣжанія затрудненій при переправахъ. Бартошевичъ думаетъ однакожь, что зимніе набѣги обуславливались тѣмъ, что—*„wtedy w stodółach było pełno“* и что тогда „*Rus świeciła bogactwem swojej ziemi.*“ (*Pogląd na stosunki Polski z Turcyą i Tatarami.* Warsz., 1860, стр. 77). Но во первыхъ, татаръ вовсе не интересовалъ грабежъ того имущества, которое сохранялось въ „*стодолахъ*“, а во вторыхъ, для уничтоженія его (что и дѣлали татары) ранняя осень была удобнѣе, по отсутствіи хотя бы снѣговъ и морозовъ, да и „*стодола*“ осенью были полнѣе, чѣмъ зимою...

2) Пока мѣстность эта была мало населена—татарямъ незначѣмъ было и ходить сюда...

3) Такъ какъ татары въ это время разоряли и Волынь, и Галичину, то конечно свѣдѣніе о полонѣ въ 100000 чел. относится главнымъ образомъ къ правобережной Украинѣ.

милъ. Да гетманъ же де Конецпольскій въ Литовской землѣ, подь г. Горошиномъ, отшибъ у татаръ Литовскаго полону всякихъ людей съ 3000 человекъ“...¹⁾ Здѣсь нѣтъ упоминанія о самомъ В—омъ, м. б. потому, что онъ не ходилъ въ догонку за татарами и о немъ небыло повода говорить,—но о разореніи Посулія ясно говорится...

Засимъ, обращаясь къ знакомству съ дѣятельностью Іереміи въ Лубенщинѣ, по переселеніи его туда, находимъ, что таковая заключалась въ устройствѣ и расширеніи маетностей.

Повидимому, одною изъ главныхъ заботъ В—го на лѣвомъ берегу—было возвращеніе отнятаго у него тамъ Ромна съ его окрестными землями. Городъ этотъ, возстановленный В—ими на старомъ городищѣ, вошелъ въ составъ ихъ владѣній вмѣстѣ съ остальнымъ Посуліемъ (стр. 31); тѣмъ не менѣе, во время малолѣтства Іереміи, онъ былъ захваченъ сначала Калиновскимъ, а послѣ заключенія Поляновскаго договора—отданъ былъ королемъ Владиславомъ, въ видѣ „кrolewiczizny“, любимцу его Адаму Казановскому. Не надѣясь добиться мирнаго возвращенія незаконно отобранной маетности, В—ій употребилъ насиліе. Воспользовавшись тѣмъ, что въ Лубенщинѣ прошелъ слухъ о смерти Казановскаго, В—ій поручилъ одному изъ своихъ „слугъ“ (въ маѣ 1644 г.) съ помощью силы занять Ромень, что тотъ и исполнилъ. Казановскій жаловался королю и обратился въ судъ; послѣдній рѣшилъ дѣло въ пользу истца и такъ какъ В—ій на судъ не явился то, выдалъ Казановскому заочный приговоръ (*kontomasyjny simplicis banitionis dekret*), которымъ, присудивъ Ромень послѣднему, кромѣ того, приговорилъ В—аго къ *baniciji*, т. е. къ изгнанію... Разсерженный этимъ рѣшеніемъ, В—ій пожаловался на Луцкомъ сеймикѣ волинскимъ „посламъ“, которые должны были въ январѣ 1645 года ѣхать на Варшавскій сеймъ, причемъ изложилъ имъ, какъ свои права на Ромень, такъ и подробности отдачи его королемъ Казановскому; при этомъ В—ій показалъ посламъ всѣ тѣ акты, которые несомнѣнно доказывали безспорность юридическихъ

¹⁾ Акты Ю. З. Россіи, III, 27 и 32.

правъ В—ихъ на пограничное съ Московскими землями—Посулье ¹⁾. Послы совѣтывали В—му—не подчиняться судебному рѣшенію ²⁾. В—ій такъ и поступилъ, вслѣдствіе чего въ это дѣло долженъ былъ вмѣшаться самъ король, который разсмотрѣвъ документы В—аго, рѣшилъ споръ въ пользу послѣдняго, а Казановскій успокоился, получивъ 100 тыс. золотыхъ ³⁾.

Возвративъ себѣ Роменъ, а вмѣстѣ съ нимъ и пограничное съ Московскими землями Посулье, В—ій посадилъ тамъ старосту Яна Бесѣдовскаго, который вмѣстѣ съ другимъ „слугою“ В—аго, Криштофомъ Сѣножацкимъ, *хоружимъ* Черниговскимъ, и началъ тогда же садить на этомъ пограничьи по рѣчкѣ Хусѣ, слободы. При этомъ и были ими поселены: *Бесѣдовка*—Бесѣдовскимъ и *Хоружевка*—хоружимъ Сѣножацкимъ ⁴⁾.

Добившись такъ успѣшно восстановленія своихъ правъ на Роменщину, В—ій попробовалъ было присоединить къ своимъ маентностямъ и сосѣдній съ Ромномъ-Гадячъ. Послѣдній изстари принадлежалъ Станиславу Конецпольскому, а послѣ его смерти перешелъ къ сыну—Александрю. В—ій, находя почему-то права Конецпольскихъ на Гадячъ сомнительными ⁵⁾, занялъ этотъ городъ тоже силою („*moją te dobra zajeżdża*“). Молодой Конецпольскій, жалуюсь сейму (1647 г.) на насиліе Б—аго, добавлялъ, что онъ также безправно захватилъ и Хороль, который хотя когда то и принадлежалъ В—имъ, но затѣмъ обращенъ былъ въ вродевщизну. По разсмотрѣніи вопроса о захватѣ Гадяча на сеймѣ, въ маѣ 1647 г., было рѣшено—возвратить его Конецпольскому, причемъ сеймъ призналъ право послѣдняго и на Хо-

¹⁾ Pamiętniki Albr. St. x. Radziwiłła, I, 155, и Арх. Ю. З. Россіи, ч. II, т. I, стр. 289 и слѣд.

²⁾ „Otrzymał (отъ пословъ) artykuł, aby raczej rwał się sejm, niżeli żeby miał być ruszony przez jakiś dekret z possessyi dóbr Rumno od Kazanowskiego odebraných...“ Radziw., I, 156.

³⁾ Тамъ же, I, 164. „Umie Wiśniowiecki i nieprzyjaciół ojczyzny i swoich zwuścieżać“ добавляетъ при этомъ Радзивиллъ.

⁴⁾ О поселеніи Хоружевки см. Акты Ю. З. Россіи, III, 101 и 152.

⁵⁾ Гадячъ достался Станиславу Конецпольскому послѣ женитьбы его на дочери Станислава Жолѣвскаго, который городъ этотъ самъ и селилъ. Дво. п. Раар, II, 884.

роль, но за этотъ городъ Конецпольскій долженъ былъ уплатить В—му 100 тыс. злотыхъ ¹⁾).

Изъ приведенныхъ фактовъ видимъ, какъ ревностно стремился В—ій къ разширенію своихъ лѣвобережныхъ маетностей, причемъ не затруднялся дѣйствовать и силою, тамъ гдѣ права его были сомнительны. Не ограничиваясь округленіемъ своихъ маетностей въ предѣлахъ Лубенщины, В—ій принималъ мѣры къ возвращенію даже тѣхъ изъ своихъ „подданныхъ“, которые ушли передъ тѣмъ въ предѣлы Московскаго государства, причемъ просилъ Путивльскаго воеводу кн. Долгорукова—позволить его „слугамъ“ Бесѣдовскому и Сѣножацкому розыскивать бѣжавшихъ въ Путивльскіе предѣлы подданныхъ его, В—аго, и возвращать послѣднихъ съ „животами и съ маетками“. Московское правительство, повидимому, оберегая миръ сосѣдскихъ отношеній,—„велѣло князя Еремѣя В—аго подданныхъ съ государевой земли, изъ Недричайловскаго уѣзда, ссылатъ безпрестанно тихостію“... ²⁾).

Затѣмъ мы не имѣемъ свѣдѣній о подробностяхъ заселенія Иереміей В—мъ Лубенщины новыми слободами и объ увеличеніи новаго населенія въ „городки“, возникшіе до переселенія В—аго въ Лубенщину; но за то сохранился документъ, представляющій собою, какъ бы итогъ колонизаціонной дѣятельности послѣдняго. Мы говоримъ о напечатанномъ Пшездѣцкимъ—въ

¹⁾ Pamiętniki Radziwiła, II, 247, 264 и 273. См. также Dyaryusz Bog. Mazi-kiewicza, (Zbiór pam. histor. o dawn. Polsce, t. V) стр. 59.—Въ книгѣ Кулиша—„Отпаденіе“ (II, 199) есть такая фраза: „Конечпольскій (Станиславъ) тягался съ В—мъ до самой смерти за сорокъ старыхъ осадъ въ Украинѣ“ и т. д. О какихъ осадахъ здѣсь говорится—понять нельзя... Если у насъ свѣдѣніе Боллана, что онъ поселилъ Конечпольскому въ Украинѣ болѣе 50-ти обширныхъ слободъ (Опис. Укр. стр. XVIII), но и только. Есть и другое указаніе, что Стан. Конечпольскій „posadami wielkich miast Ukrainę ozdobił a tem w Ukrainę tatarom drogę zawarł...“ (Pamiętniki o Koniecpolskich, стр. 179). Но о спорахъ его съ В—мъ за эти „слободы и посады“, которыя здѣсь *опредѣленно не указываются*, мы свѣдѣній не встрѣчали...

²⁾ Акты Ю. З. Россіи, III, 113 и 145.

1841 г.—спискѣ „подданныхъ кн. Іереміа В—аго въ заднѣпр-
 овской Украинѣ“¹⁾; въ этомъ спискѣ перечислены всѣ отдѣль-
 ныя поселенія съ показаніемъ числа „hospodarow samych osiad-
 kusch“ и „колесъ“ водяныхъ мельницъ. При скудости нашихъ
 свѣдѣній о численности населенія въ южной Малороссіи (да въ
 сѣверной тоже) за первую половину XVII в., списокъ Пшезд-
 ѣцкаго представлялъ бы собою очень цѣнный историческій до-
 кументъ, если бы, къ сожалѣнію, не возбуждалъ сомнѣній въ до-
 стовѣрности заключающихся въ немъ свѣдѣній. Прежде всего,
 списокъ этотъ не имѣетъ даты, причемъ о послѣдней можно
 лишь догадываться: такъ какъ списокъ указываетъ маестности *Iere-
 miu B—ago* и притомъ въ блестящемъ, относительно численности
 населенія, видѣ, то время составленія его слѣдуетъ отнести къ
 послѣднимъ годамъ пребыванія Іереміа въ „Заднѣпріи“, т. е., м. б.,
 къ 1646, 1647 и даже 1648 г.г.. Затѣмъ, въ этомъ перечнѣ
 56-ти поселеній—указаны и такія имѣнія, которыя никогда В—имъ
 не принадлежали, какъ напр., Золотоноша, Пѣщана (Золот. у.),
 Домонтовъ, Полтава, Комышная, Ручинцы (Ручки?) Хомутець...
 Указанъ въ немъ и Хороль, исключенный, какъ мы видѣли, изъ
 числа имѣній В—аго въ 1647 г. ²⁾ Въ тоже время, мы не видимъ
 въ этомъ спискѣ мѣстечка Галицы, которое въ это время не только
 существовало, но имѣло уже и „фольваркъ“³⁾. Не указано село Пу-
 линцы, около Лубенъ, которое было заложено Іереміей В—имъ
 вдовѣ казненнаго Запорожскаго гетмана Сулимы⁴⁾. Не указаны
 и такія роменскія мѣстечка, какъ Константиновъ, Хмѣловъ, Смѣ-
 лое, населеніе которыхъ можетъ быть, впрочемъ, подсчитано вмѣстѣ
 съ Роменскимъ, такъ какъ по этому списку—въ Ромнѣ зна-

¹⁾ Podole, Wolyń, Ukraina, (Wilno, 1841), I, 41—44.

²⁾ Это обстоятельство можетъ указывать, что списокъ составленъ не позже
 этого года...

³⁾ Галица, какъ мѣстечко, имѣвшее уже и „фольваркъ“, упоминается въ за-
 вѣщаніи Мгарскаго монаха Самсона Кутовскаго, написанномъ при Іереміи В—омъ
 (годъ обозначенъ 1634 г., но недостаточно ясно). Акты Мгарск. м—ря, л. 266. Въ
 спискѣ Пшездѣцкаго указано поселеніе *Нака* (вслѣдъ за Монастырищемъ, около
 котораго находится и Галица), но ошибочно написанная Нака можетъ скорѣе ука-
 зывать не Галицу, а *Галку*—село Роменск. у.

⁴⁾ Сулимовск. архивъ, 21.

чится 6000 „господарей“, количество слишком великое для одного города Ромна, если в Лубнах, по этому же списку, значится только 2646 „госп.“ Вообще цифры населения по списку Шведзѣцкаго очень велики: в Лохвицѣ значится 3325 „госп.“, в Варвѣ—2037, в Пирытинѣ—1749, в Хоролѣ—1297, в Красномъ (Колядинѣ?)—995... Сравнивая эти цифры съ тѣми, которыя раньше приведены относительно 1628—30 г.г., мы видимъ, что въ какія нибудь двадцать лѣтъ, Лубенщина болѣе чѣмъ удесятирилась въ своемъ населеніи... При этомъ, въ спискѣ Шведзѣцкаго видимъ поселенія, о которыхъ тарифы 1630 г. вовсе не упоминаютъ и въ которыхъ, тѣмъ не менѣе, по этому списку, значится до 1000 двор., напр. въ Монастырицѣ (Нѣж. у.) показано 939 „госп.“, въ Ичнѣ—1494, въ Глинскѣ (Нгулск)—1264, въ Срѣбномъ—1830, въ Чернухахъ—944, въ Корибутовѣ (Ковот. у.)—600... Если эти поселенія существовали уже и раньше и въ тарифахъ 1630 г. опущены по какимъ либо причинамъ, то вовсе же численность ихъ населенія сравнительно съ другими поселеніями, въ тарифахъ упомянутыми, является очень значительною. Вообще, если приводимыя спискомъ цифры населенія вѣрны, то успѣхъ колонизаціонной дѣятельности Іереміи въ Лубенщинѣ былъ очень великъ по массѣ того населенія, которое передвинулось сюда изъ югозападной Руси, во вторую четверть XVII в... Къ сожалѣнію, въ спискѣ Шведзѣцкаго нельзя видѣть несомнительнаго документа; помещеніе въ немъ, подъ именемъ имѣній Іереміи В—аго, поселеній послѣднему не принадлежавшихъ, возбуждаетъ сомнѣніе—нѣтъ ли въ немъ и другихъ невѣрностей... Во всякомъ случаѣ, пока этотъ документъ не описанъ научно (если только онъ еще существуетъ), къ нему слѣдуетъ относиться съ осторожностью. Но мы имѣемъ другой документъ, уже несомнѣнно свидѣтельствующій объ успѣхахъ колонизаціи В—аго въ принадлежавшемъ ему „Заднѣпріи“; мы разумѣемъ *Реестра войска Запорожского*¹⁾, составленные въ октябрѣ 1649 г., т. е. съ небольшимъ черезъ годъ послѣ ухода Іереміи изъ лѣвобережной Украины. Въ этихъ

¹⁾ Изданы Бодянскимъ въ 1876 г., въ „Чтеніяхъ Моск. Общ. Истогр. и Др.“.

реестрахъ показаны слѣдующія *сотни*, входившія въ составъ Лубенщины: двѣ сотни Лубенскія, изъ которыхъ одна названа сельскою, почему слѣдуетъ думать, что другая была городскою, Пирятинскихъ двѣ, Чернушинская, Городищенская, Журавская, Курѣнская, Роменская, Константиновская, Лохвицкая, Сенчанская, Глинская, Лукомская, и—наконецъ, почти цѣлый Прилуцкій полкъ, большая часть территоріи котораго входила въ составъ имѣній В—аго (сотни—кромѣ Прилуцкихъ,—Варвинская, Срѣбрянская, Переволочанская, Галицкая и друг.). Количество внесенныхъ въ эти сотенные списки козаковъ несомѣнно уже указываетъ, что къ концу первой половины XVII в. побережья Сулы и ея притоковъ, перестали быть тою *пустыней*, которою они называются въ к. XVI в.

Достигнувъ такихъ блестящихъ результатовъ въ заселеніи своей Лубенщины и ставъ такимъ образомъ владѣльцемъ обширныхъ тамъ маестностей, В—ій, быть можетъ, уже и не думалъ о возвращеніи на родину, предпочитая ей просторъ своихъ колоній, едва ли не превосходившихъ Волинское его наслѣдство ¹⁾.

¹⁾ У насъ нѣтъ опредѣленныхъ указаній на размѣръ принадлежавшихъ здѣсь Іеремію В—му имѣній, такъ какъ списокъ этихъ имѣній В—ихъ, напечатанный Пшездѣцкимъ (Podole и проч., I, 57—61), не даетъ свѣдѣній—какія изъ перечисленныхъ въ немъ маестностей принадлежали *королевской* линіи В—хъ, т. е. какія изъ ихъ числа были, передъ тѣмъ, во владѣніи Іереміа.—Интересно, что не смотря на огромныя, во всякомъ случаѣ, маестности, Іереміа В—ій, повидимому, не рѣдко нуждался въ деньгахъ и долженъ былъ обращаться къ кредиту.—Такъ онъ былъ долженъ 4000 злотыхъ вдовѣ разорителя Кодака Ивана Сулимы, при чемъ долгъ этотъ былъ обезпеченъ селомъ Пулинцами. Затѣмъ, одинъ изъ „слугъ“ Іереміа, Юрій Русѣновичъ, въ завѣщаніи своемъ, писанномъ въ 1668 г., завѣщаетъ Мгарскому м—рю и дѣтямъ своимъ—2400 злот., которые онъ заслужилъ у Іереміа В—аго и жены его, „личною службою“ и на которые имѣеть „квитъ“, подписанный рукою Гризельды В—ой, по которымъ до 1668 г. не получилъ... (Акты Мгарск. м—ря, л. 246). По акту 1 ноября 1647 г. Іереміа отдалъ брату жены Александру Замойскому въ аренду г. Лубны съ угодьями, на три года, по 7000 злот. въ годъ, при чемъ деньги эти Замойскій долженъ былъ уплачивать бернардинамъ Лубенскаго конвента въ счетъ той суммы, которую В—ій „ординовалъ“ на этотъ конвентъ. (Кіевск. центр арх., книга гродск. Житомирск. № 20, л. 161). Такимъ образомъ, этотъ актъ показываетъ, что и на такіе, впередъ опредѣленные, расходы у В—аго наличныхъ денегъ тоже не случалось и онъ долженъ былъ прибѣгать къ кредиту, да еще такому невыгодному... О тѣхъ займахъ, которые Іереміа В—ій принужденъ былъ дѣлать въ козацкую войну, см. въ книгѣ Чермака „Z czasów Iana Kazimierza“ (Lwów, 1893) статью—*Książę Jeremi dłużnikiem*.

Къ сожалѣнію, мало сохранилось свѣдѣній о частной жизни Іереміи въ его колоніяхъ. Есть только извѣстія за послѣднее время его тамъ жительства, записанныя въ дневникѣ одного изъ „дворянъ“ Іереміи. Мы говоримъ о діаріушѣ Машкевича ¹⁾, въ которомъ разсказаны событія изъ лѣвобережной жизни В—аго, начиная съ 1647 г.—Обстоятельная ихъ записъ начинается, впрочемъ, только съ осени этого года, когда Іеремія отправился съ своимъ войскомъ на Запорожье, повидимому, безъ особой какой либо надобности, а какъ бы съ цѣлью сдѣлать военную прогулку для упражненія своихъ солдатъ въ походной жизни. Осенью 1647 г., разсказываетъ Машкевичъ, Іеремія В—ій, собравши въ „зандіпрскихъ“ маетностяхъ 6000 войска, вышелъ съ нимъ въ ноябрѣ (въ день св. Михаила, которому посвященъ былъ Лубенскій костелъ) на Запорожье и тамъ пробывши нѣсколько дней въ Кодакѣ и осмотрѣвши Дніпровскіе пороги, вернулся домой, въ Лохвицу ²⁾, въ день св. Мартына (11-го ноябра). Ходилъ В—ій къ Запорожью, какъ будто и съ надеждою—не встрѣтятся ли, по дорогѣ, гдѣ татары, такъ какъ Машкевичъ добавляетъ, что В—ій вернулся, не видѣвши и одного татарина („i żadnego tatarzyna nie widziawszy“). Засимъ, настала роковой 1648-й годъ. Какъ начался этотъ годъ у В—аго, разсказываетъ Машкевичъ: въ началѣ января (7-го) Іеремія, вмѣстѣ съ женою, ѣздилъ изъ Лохвицы въ Сенчу, на крестины къ тамошнему управителю Суфчинскому; тамъ В—іе и ночевали. Черезъ восемь дней послѣ этого (15-го), Іеремія ѣздилъ (тоже изъ Лохвицы) въ Лубны, на похороны одного изъ своихъ „слугъ“ Закревскаго. Прошелъ мѣсяць въ такой же тихой жизни. Іеремія продолжалъ заниматься обширнымъ своимъ хозяйствомъ. Такъ, въ концѣ января, онъ писалъ къ Путивльскому воеводѣ о возвращеніи своихъ подданныхъ, бѣжавшихъ въ предѣлы Московскаго государства (см. выше, стр. 42). Но вслѣдъ за тѣмъ В—ій получилъ (15-го февраля) тревожное извѣстіе,

¹⁾ Напечатанъ, какъ уже сказано, въ сборникѣ Нѣмцевича—Zbiór pamiętn. histor. o dawnej Polsce, V, 57—85.

²⁾ Повидимому, Іеремія не постоянно жилъ въ Лубнахъ. Живалъ онъ и въ Прилукахъ, живалъ и въ Лохвицѣ; и тамъ, и тамъ, повидимому, были у него „замки“.

что „какой то“ Хмельницкій, собравъ небольшой отрядъ Запорожскаго „гультайства“, разбилъ (spędził) Корсунскій полкъ, оберегавшій границу отъ татаръ, послѣ чего этотъ Хмельницкій сталъ сзывать къ себѣ народъ и устраивать изъ него войско. Извѣстіе было на столько важно, что на другой же день Іеремія послалъ Машкевича къ Краковскому воеводѣ (Потоцкому), находившемуся въ это время въ Богуславѣ, извѣщая его объ этомъ „какомъ то“ Хмельницкомъ. Машкевичъ возвратился и привезъ отъ Потоцкаго письмо, повидимому, не заключавшее въ себѣ тревожныхъ вѣстей, потому что и послѣ этого Іеремія продолжалъ переписку съ Путивльскимъ воеводою относительно пограничныхъ дѣлъ ¹⁾. Затѣмъ, въ началѣ апрѣля Іеремія, съ семьей, переѣхалъ изъ Прилуки въ Лубны, чтобы тамъ праздновать пасху. Въ Лубнахъ онъ оставался до конца апрѣля, когда получилъ новое извѣстіе, что гдѣ-то за Днѣпромъ Хмельницкій, соединившись съ татарами и собравъ многое множество вооруженнаго „гультайства“, угрожаетъ польскому войску. В—ій снова послалъ Машкевича къ Днѣпру, въ Еремѣевку, чтобы онъ тамъ точно узналъ о положеніи дѣлъ; а когда Машкевичъ прислалъ извѣстіе о пораженіи поляковъ при Желтыхъ Водахъ, то В—ій послалъ Машкевичу прямо въ польскій лагерь, чтобы спросить тамъ у военачальниковъ—куда ему, В—ому, направляться съ своимъ отрядомъ войска, простиравшемся и теперь до 6000 душъ. Въѣстѣ съ этимъ, В—ій написалъ и Путивльскому воеводѣ о полученномъ извѣстіи, что у Княжихъ-Байраковъ ²⁾ стоитъ татарская орда, числомъ до сорока тысячъ, которая куда направится, — на Польшу или на Московскую землю,—еще неизвѣстно, но что польское войско стоитъ въ готовности и онъ самъ, Іеремія, „при здѣшнихъ его магностяхъ съ людьми своими готовъ есть“.—„И для того сеею моею грамотою, продолжаетъ Іеремія, даю тебѣ знати, чтобы вы были на готовѣ... А естли по слышите, откуда вѣсти, что они въ нашу страну пойдутъ,—помочь

¹⁾ Акты Ю. З. Россіи, III, 153.

²⁾ Балка Княжіе-Байраки, по указанію г. Эварницкаго, находится рядомъ съ Желтыми Водами. Истор. Запор. Козак., II, 240.

чините намъ съ людьми своими ¹⁾. О Хмельницкомъ и козакахъ Геремія ничего не говоритъ, быть можетъ, потому что извѣстіе о соединеніи татаръ съ Запорожскими козаками произвело бы въ Москвѣ нежелательное для поляковъ впечатлѣніе... Письмо это В—ій писалъ изъ Прилуки, куда снова возвратился въ маѣ. А вслѣдъ за этими распоряженіями, В—ій, подозрѣвая серьезность положенія дѣлъ, нашелъ нужнымъ жену (конечно, вмѣстѣ съ сыномъ) отправить въ Минское полѣсье, въ тамошнее его имѣніе Брагинъ. Самъ же, не ожидая извѣстія отъ Машкевича, отправился съ войскомъ къ Переяславу. Первый ночлегъ на походѣ В—ій имѣлъ около с. Туровки,—это было наканунѣ пораженія поляковъ подъ Корсунемъ,—а слѣдующій ночлегъ В—аго былъ—у Яготина; тутъ явился къ нему изъ подъ Корсуни какой-то старый его соратникъ Поляковский и извѣстилъ Геремію о пораженіи и плѣненіи гетмановъ... Вѣсть была страшная и В—ій спѣшно двинулся къ Переяславу, желая скорѣе переправиться черезъ Днѣпръ и явиться на помощь къ остаткамъ польскаго войска. Отсюда же В—ій разослалъ всадниковъ изъ своей „драгоніи“—по сосѣднимъ переправамъ (въ Черкасы, Домонтовъ, Стайки, Трахтемировъ, Ржищевъ), чтобы изъ всѣхъ ближайшихъ пристаней собрать паромы къ Переяславской пристани. Но паромовъ не оказалось. По распоряженію предусмотрительныхъ козацкихъ военачальниковъ, сейчасъ же послѣ Корсунскаго сраженія, всѣ эти паромы были потоплены, съ цѣлью преградить путь именно В—ому, если бы онъ вздумалъ тутъ переправляться черезъ Днѣпръ. Препятствіе явилось неустраняемое и В—ій, посовѣтовавшись съ своими „полковниками и поручиками“, рѣшилъ идти за Днѣпръ другимъ путемъ и идти безотложно, пока не взбунтовались „хлопы“ въ Лубенщинѣ. Свободно оставалась одна дорога—на Черниговъ, а оттуда—на Любечъ, въ Брагинъ, гдѣ находилась въ это время его Гризельда съ сыномъ. По этой дорогѣ В—ій и направился. Такъ записалъ въ своемъ дневникѣ Машкевичъ, отмѣтивъ, что 16-го мая В—ій, по дорогѣ на Черниговъ, ночевалъ подъ Басанью ²⁾. Отсюда

¹⁾ Акты Ю. З. Россіа, III, 191.

²⁾ с. Басань, конечно „Старая“,—въ козелецк. у., черниг. губ.

В—ій послалъ небольшой отрядъ, подъ начальствомъ „козакаго ротмистра“ Понятовскаго, къ Каневу, на развѣдки, и Понятовскій въ ту же ночь поймалъ пять человекъ языка, подтвердившихъ В—ому извѣстiе о Корсунскомъ пораженiи. „На утро тѣ козаки казнены“ говоритъ Машкевичъ. Казненные козаки, повидимому, были посланы Хмельницкимъ къ В—ому съ объясненiемъ причинъ, заставившихъ его поднять на поляковъ оружіе. Такъ можно думать по разсказу Величка (I, 78), у котораго читаемъ, что Хмельницкій „угасивъ огонь полскій“ Корсунскимъ пораженiемъ, помнилъ, что „еще великая головня въ Лубняхъ осталася,— кн. В—ій, державца тамошній“... Вотъ ему то и нашель Хмельницкій нужнымъ написать письмо съ разъясненiемъ причины начавшейся войны, причемъ „предлагалъ жебы онъ, кн. В—ій, о тое, що ся уже съ гетманами стало, не уражался и гнѣва своего къ нему Хмельницкому простирати не извоилъ“... Величко говоритъ, что посланцы Хмельницкаго догнали В—аго „близко Березани“ и отдали ему письмо, послѣ прочтенiя котораго В—ій „розярившись“ (конечно, за дерзость писавшаго письмо), на другой день, 25 мая, въ четвергъ на зеленой недѣлѣ, недалеко отъ Березани, велѣлъ посланцовъ этихъ казнить („постпнать“), а самъ спѣшно пошелъ къ Лубнамъ... Машкевичъ не говоритъ, чтобы В—ій возвращался изъ подъ Переяслава въ Лубны, но изъ его дневника видно, что взятые Понятовскимъ козаки были казнены 17-го утромъ; если это были посланцы Хмельницкаго, что вѣроятно, при чемъ разница въ числахъ можетъ происходить отъ описокъ и отъ разности календарей, то слѣдую разсказу Машкевича, В—ій отъ 17-го мая, когда онъ былъ въ Басанѣ (не въ Березанѣ ли?) до 25-го, когда онъ подошелъ къ Чернигову, долженъ былъ гдѣ нибудь въ пути имѣть остановку. Слѣдуетъ думать, что въ эти дни В—ій и возвращался въ Лубны, чтобы забрать оттуда уже все, что можно было взять¹⁾, при

¹⁾ Въ одномъ изъ панегириковъ Іереміа В—аго говорится, что возвращался онъ въ Лубны (*wraca się назад ku Lubniom*), чтобы з крају ognistego, wywieść w sałości lud do jednego. „*Pochodnia wojenney sławy j. osw. x. j mosci Ieremia. Michała Korybuta na Wisn. y Lubniach Wisniowickiego*“ (Іана Біаѣобоского). Краковъ. 1649. Панегирикъ этотъ имѣлъ два изданiя, въ одномъ и томъ же году. Второе изданіе, посвященное Яну Замойскому, есть въ б—ѣ унцверс. св. Владимира.

чемъ это возвращеніе, вѣроятно, находилось въ тѣсной связи съ тѣмъ внезапнымъ умаленіемъ находившагося при В—омъ отряда, о которомъ говоритъ Кисель¹⁾. Безбоязненно уходившіе изъ отряда В—аго воины, принадлежавшіе къ числу его „подданныхъ“, тѣмъ самимъ ясно указывали своему властителю—о приближающемся моментѣ того общаго возстанія „хлоповъ“, которое должно было послѣдовать и на лѣвомъ берегу Днѣпра, въ виду двукратнаго пораженія поляковъ. В—ій не могъ не видѣть, что нужно уходить съ лѣваго берега... Величко говоритъ, что послѣ казни посланцовъ Хмельницкаго, В—ій возвращался въ Лубны и что получивъ тутъ горестныя вѣсти изъ Польши, а также слыша совѣхъ сторонъ о „бурливыхъ вѣтрахъ козацкой войны и бунтовъ посполитыхъ“, успѣшилъ оттуда уѣхать „зо всѣмъ домою своихъ вѣлегцѣ, только въ 3000 войска, и удавшись на городокъ Быковъ, тамъ о полуднѣ, противъ недѣлѣ святой (т. е. противъ воскресенья), рѣчку Свидовець переправилъ и... вдалься ко Любечу“²⁾. Къ этому извѣстію Машкевичъ добавляетъ, что когда В—ій проходилъ мимо Чернигова, по дорогѣ къ Любечу, то тутъ за нимъ было погнались козаки и—В—ій былъ де въ большой опасности, но счастливый случай его спасъ... Тридцатаго мая В—ій переправился черезъ Днѣпръ и тогда же достигъ Брагина, гдѣ находилась его семья. Такъ тихо, безъ шуму В—ій покинулъ свою Лубенщину, убѣдившись, что ему въ ней не удержаться³⁾...

¹⁾ Памятники Кіевск. Ком., I, отд. 3, стр. 30.

²⁾ С. Выковъ въ козел. у., черниг. губ. Приводитъ здѣсь свидѣтельство Величка, мы не сомнѣваемся, что оно заимствовано имъ у одного изъ польскихъ хронистовъ и называемъ Величка, лишь не зная его источника. Быть можетъ это была „Wojna Domowa“...

³⁾ Не такъ объ этомъ уходѣ рассказываютъ малорусскіе историки. У Костомарова, напр., въ его книгѣ „Богд. Хмельн.“,—читаемъ: „и услыхавъ о мятежѣ (Хмельницкаго), хлопы (жившіе въ Лубенщинѣ) составляли загоны и бѣжали къ Хмельницкому. В—ій собралъ до 8-ми тыс. шляхтичей (?), жившихъ въ его владѣніяхъ, изъ которыхъ впрочемъ не всѣ были надежны; онъ разбѣвалъ загоны (въ Лубенщинѣ) и всѣхъ попадавшихся въ руки, казнилъ жестоко; въ каждомъ городѣ и селѣ ставили на рынкахъ вѣсилы, виновныхъ вѣшали, сажали на колъ, рубили головы. Разгоняя такимъ образомъ шайки, В—ій дошелъ почти до Переяслава“ и т. д. (Изд. 4-е, стр. 329). Источникомъ этихъ свѣдѣній указаны—стр. 26 и 157.

Что же произошло въ Лубенщинѣ послѣ ухода Іереміи?

Свѣдѣній объ этомъ обнаружено пока немного. Намъ извѣстны лишь слѣдующіе факты. Въ письмѣ, писанномъ 31 мая къ Гнѣзненскому архіепископу, Кисель говоритъ, что Хмельницкій послалъ за Днѣпръ (т. е. на лѣвый его берегъ) десять тысячъ войска подъ начальствомъ Кривоноса для унич-

отд. 3-го, т. 1-го „Памятниковъ“ Кіевск. Ком., но обратившись къ указанному мѣсту этой книги, мы видимъ, что всѣ эти вѣсилы и казни взяты изъ письма Кривоноса, писаннаго 25 іюля 1648 г. (къ воеводѣ Сандомирскому), въ которомъ Кривоносъ рассказываетъ о жестокостяхъ В—аго, имѣетъ въ виду *правый* берегъ Днѣпра; *здѣсь* совершала В—ій свои жестокости уже послѣ того, какъ онъ пришелъ сюда изъ Лубенщины, въ которой никакихъ подобныхъ ужасовъ ни въ 1648 г., ни раньше, онъ не производилъ; но крайней мѣрѣ объ этомъ нигдѣ и намекъ нѣтъ. (Есть впрочемъ у Нѣсѣцкаго слѣдующія фразы: „Jak się zaś chłopka rebellia na tę ojczyznę targnęła żeby w pożar nie wybuchnęła pod Żolninem, Mnoho, Sleporedem, Horzycą (?) pierwsze iskierki jej tłumil, także pod Kumejkami, Lubną, Konstantinowem Pryluka, Niemrowem, herstów jej poznosiwszy, inszych wielu od swawolney ligi odstraszyli“... (IX, 345). Изъ этихъ фразъ видно, что Нѣсѣцкій смѣшиваетъ событія 1638 г. съ событіями 1648 г. и не различаетъ лѣвобережной Украины отъ правобережной... Изъ этого мѣста хорошо виденъ и компилятивный характеръ книги Нѣсѣцкаго).—У г. Кулиша, въ его книгѣ „Отпаденіе“, описаніе ухода В—аго изъ Лубенщины въ 1648 г., изложено сходно съ рассказомъ Костомарова, при чемъ краткій рассказъ послѣдняго г. Кулишъ дополняетъ подробностями того „баснословія“, въ которомъ онъ обвиняетъ „козацкихъ панегристовъ“ и ихъ „вожака“ Костомарова (II, 191). Сказавъ, что Хмельн. отправилъ Кривоноса на лѣвый берегъ—бунтовать Вишневецчину, К—шъ продолжаетъ, что В—ій „окружилъ себя только служилою шляхтою (?) и разгналъ гайдамацкіе загонны Перебийноса на пространствахъ *отъ Ворсклы до Трубужа*, а пойманныхъ на *горячемъ* учинилъ Перебийносцевъ казнилъ тутъ же... Разгналъ гайдамацкія шайки и карая своихъ измѣнниковъ... В—ій дошелъ до Переяслава... Въ немъ сидѣлъ Кривоносъ и готовился выйти на встрѣчу В—ому... Не желая пасть въ безславномъ бою (съ Кривоносомъ), В—ій отступилъ къ своимъ Лубнамъ и сталъ готовиться къ бѣгству—на Горынь. Надобно было сперва обезпечить отъ козацкой свирѣпости обожаемую любовницу и жену, красавицу Гризельду (которая въ это время была уже въ Браиннѣ) и тогда уже ринуться на бой съ чудовищемъ неслыханнаго бунта, очертя голову. Въ Лубвахъ принесли ему письмо Хмельницкаго. Онъ (т. е. Хи—ій) хотѣлъ убавить В—аго; но тотъ не показывалъ вида, что потерялъ надежду устоять противъ Кривоноса, маскировалъ свое бѣгство военными приготовлениями и взявши съ собою лишь нѣсколько походныхъ возовъ да 15 рукодажныхъ слугъ (?), оставилъ свое заднѣпровское княжество... обѣхалъ обнятое бунтомъ Заднѣпровіе московскими саками (такъ *неизвѣстно* почему г. К—шъ называетъ *битый* путь, а не *сакмы*, т. е. дикія дороги) изъ Переяславщины на Черниговъ, а оттуда на Любечъ... и отправилъ свою Гризельду съ сыномъ въ Вишневецъ“... Оттуда заимствовалъ всѣ эти свѣдѣнія г. К—шъ—въ его книгѣ не указы-

тоженія кн. Вишневецкаго, приче́мъ приказалъ Кривоносу прѣбавить за Днѣпромъ къ его отряду—еще столько ¹⁾... Очень можетъ быть, что Хмельницкимъ и сдѣлано было это распоряженіе, съ желаніемъ отомстить В—му за казнь ни въ чемъ неповинныхъ его посланцевъ, но только въ это время В—го уже не было на лѣвомъ берегу, о чемъ добавляетъ и Кисель въ томъ же письмѣ. Кажется, что Кривоносовъ вовсе и не переходилъ Днѣпра, потому, вѣроятно, что не противъ кого было уже и идти... А съ главной резиденціей Іереміи народъ и самъ расправился. Одинъ монахъ, Петроній Ласко, котораго Кисель посылалъ, въ концѣ іюня, къ Хмельницкому въ Чигиринъ, рассказываетъ, что при немъ приведено было къ гетману изъ за Днѣпра нѣсколько „своевольниковъ“, которые собравшись тамъ (т. е. на лѣвомъ берегу) цѣлымъ отрядомъ тысячь въ пятнадцать, Лубны штурмомъ взяли и разорили, отцовъ бернардиновъ поумерщвляли, а вмѣстѣ съ ними и много шляхты, мужчинъ и женщинъ... Изъ числа приведенныхъ „своевольниковъ“ Хмельницкій приказалъ двухъ казнить, а двухъ или трехъ—послалъ къ В—ому для его освѣдомленія, что не казаки разоряютъ его маетности, а его же подданные ²⁾... О народномъ возстаніи въ лѣвобережной Малороссіи и разореніи польскихъ въ ней имѣній рассказывалъ, въ томъ же іюнѣ, и другой свидѣтель, проѣзжавшій въ это время чрезъ Малороссію, отъ Сѣвска до Кіева: „а войско свое Хмельницкій распустилъ за Днѣпръ (т. е. на лѣвый его берегъ) къ Путивльскому рубежу, на маетности Потоцкаго, Вишневецкаго и Киселя, и тѣхъ де ихъ маетностей

ається; есть только въ текстѣ такое упоминаніе: „описывая бѣгство В—аго Натанъ Гановеръ даетъ понять“... Если при этомъ г. К—шъ ссылается на „лѣтопись Натана Гановера“—(переводъ Манделькерна, Одесса, 1878 г.), то въ ней *нѣтъ* ничего объ уходѣ В—аго въ 1648 г. на правый берегъ Днѣпра... Вѣроятноже, что источникомъ этихъ небывалыхъ подробностей послужили для г. К—ша „климагеры“ Коховскаго, у котораго (по изд. въ польск. переводѣ Рачинскаго, 1859 г., I, 4—5), приводится путанный наборъ фактовъ о небывалыхъ стычкахъ В—аго съ Кривоносомъ на лѣвомъ берегу Днѣпра... Рассказъ г. К—ша объ уходѣ В—аго изъ Лубещины несомнѣнно свидѣтельствуетъ, что его авторъ, обвиняя „козацкихъ панегристовъ“, что они „непопырствуютъ въ потемкахъ баснословія“, самъ бы прежде долженъ показаться въ этомъ грѣхѣ...

¹⁾ Памятники, I, отд. 3, стр. 30.

²⁾ „Реляція“ Ласка приведена подлинникомъ у Шайцхои, Dzieła, X, 194.

Города всё побрали, а которые де ихъ были крестьяне Потоцкаго, Вишневецкаго и Киселя и тѣ де съ ними (козаками Хмельницкаго) стали въ козаки жъ ¹⁾“...

Засимъ весь общественный строй лѣвобережной Малороссіи измѣнился, а съ нею измѣнился и прежній строй Лубенщины...

Указавъ здѣсь главныя черты дѣятельности Іереміи В—аго въ „Заднѣпрскихъ“ его имѣніяхъ, находимъ умѣстнымъ сказать нѣсколько словъ о его личности, какъ общественнаго дѣятеля.

Польскіе историки, старые и новые, прославляютъ Іеремію, какъ великаго своего патріота, у котораго всякая приключавшаяся отчизнѣ невзгода вызывала душевную боль (*Calamitas patriae lamentatio Jeremiae*). Патріотизмъ Іереміи особенно ярко выразился въ той страстной энергіи, которую онъ проявилъ въ войнѣ съ возставшимъ противъ Польши русскимъ народомъ. Но въ жилахъ Іереміи текла та самая кровь, которую онъ съ такою ужасною жестокостью проливалъ въ этой войнѣ.. И намъ кажется, что весь этотъ патріотизмъ, вся эта военная энергія Іереміи была только результатомъ той страстной вражды противъ *своихъ*, которую мы такъ часто встрѣчаемъ у измѣнниковъ своему народу...

Не могъ, конечно, забыть Іеремія той предсмертной мольбы своей матери, съ которою послѣдняя обращалась къ сыну, заклиная его не измѣнять вѣрѣ отцовъ... Укорительно напоминалъ Іереміи объ этомъ материнскомъ завѣтѣ Ісаія Копинскій въ своемъ къ нему посланіи.—И вотъ воспоминаніе объ этомъ неисполненномъ завѣтѣ матери—должно было постоянно возмущать духъ Іереміи и онъ, желая вырвать изъ своей памяти, изъ своего сознанія — мольбу умирающей матери, *кричалъ*, чтобы поляки мучили козаковъ такъ, чтобы тѣ чувствовали мученія... Заслуживъ у польскихъ историковъ славу великаго патріота, Іеремія тѣмъ не менѣе остается измѣнникомъ своему народу ²⁾.

¹⁾ Акты Ю. З. Россіи, III, 216.

²⁾ Оканчивая настоящее введеніе, считаемъ долгомъ поблагодарить В. Б. Антоновича за его указанія на тѣ приводимые нами здѣсь документы изъ актовъ книгъ Кіевского Центральнаго Архива, которые еще не напечатаны.

Приложенія.

Изъ помѣщаемыхъ здѣсь двухъ документовъ, первый—есть актъ объ установленіи въ г. Лубнахъ *церковнаго братства*, въ 1622 г.; списанъ онъ нами съ рукописи XVIII в., заключающей въ себѣ отрывочныя лѣтописныя свѣдѣнія о Мгарскомъ монастырѣ¹⁾ и принадлежащей священнику с. Исачекъ, Лубенск. у., о. Василію Романову, который получилъ эту рукопись, по его словамъ, отъ кого то изъ сѣверо-западнаго края. Приводимый здѣсь документъ былъ уже напечатанъ, въ передѣлкѣ на современный языкъ, въ Полтавск. губ. вѣд. 1895 г., № 89, но здѣсь онъ печатается дословно по рукописи, въ которую переписанъ, повидимому, недовольно исправно.

Объ историческомъ значеніи этого акта скажемъ въ другомъ мѣстѣ, замѣтивъ здѣсь только, что въ достовѣрности сего акта сомнѣнію, повидимому, нѣтъ мѣста.

Второй изъ приводимыхъ документовъ—есть запись 1623 г. Лубенцевъ Мгарскому монастырю на рыболовный «духъ». Объ этомъ актѣ сказано выше (стр. 27).

I. Копля на братство троецкое Лубенское церкви, отъ отца Исаии Копинского зобраное. (1622 г., 1 октября). Во имя святыхъ, живовачальныхъ, единосущныхъ и нераздѣльныхъ Троицы, Отца и Сына и Святого Духа, единого, истинного Бога нашего, ему честь и поклоненіе, слава и хвала отъ всея чувственныя и невестественныя твари, нынѣ и въ безконечныя вѣки. Аминь.

Господь нашъ Иисусъ Христосъ вся яже ко спасенію многого ради человеколюбивого милосердія своего на земли совершая и волнѣй человекоспасительной страсти грядый, ученикомъ своимъ глаголаше: си заповѣдаю вамъ, да любите другъ друга, посему бо рече и знаютъ васъ, яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою, еже и божественный верховный апостоль Петръ востекъ на верхъ добродѣтелей, любовь во божественныхъ посланныхъ препоручаетъ, подадите, рече, вѣрѣ вашей добродѣтель, во добродѣтели же разумъ, въ разумѣ все воздержаніе, во воздержаніи терпѣніе, во терпѣніи же братолюбіе, во братолюбіи же любовь. И паки братство возлюбите, Бога бойтеся, царя чтѣте, иже и по спасительномъ на небеса Христа Бога вознесеніи, друголюбное божественный апостоль

¹⁾ Быть можетъ, одного происхожденія съ напечатанными въ Кіевск. Стар. 1889 г., № 4—6.

і евангелистъ Лука прославляя, провозвѣщая Теофилу, глаголя: вѣрующихъ рече быше душа една и сердце едино, и не быше въ нихъ никто же нищъ, требованію нищихъ послуживша сплнѣйшихъ рудѣ. Сему же убо божественному и спасителному и человеколюбному поученію и мы грѣшныя послѣдующе, благолатію благаго Бога Господа нашего Іисуса Христа, хотяща всѣмъ человекомъ спастися и въ разумъ истинный пріити, начинаемъ сіе душеспасительное друголюбнее соединеніе—братство церковное во богоспасаемомъ градѣ Александровѣ, благословеніемъ и повеленіемъ преосвященнаго господина отца Ісани Коппинскаго, архієпископа и экзарха патріаршого, на утѣшеніе и утвержденіе во благочестіи нашему россійскому роду, сыномъ восточнаго православія, такъ духовнаго, яко и свѣцкаго стану, всѣмъ христіанскимъ людямъ, на виконане христіанскихъ милосердныхъ учинковъ, такъ духовныхъ, яко и свѣцкихъ въ размноженію и вкорененію христіанскихъ добродѣтелей, яко тежъ и въ подаванію наукъ учтивыхъ и цвѣченю дѣтей народу христіанскаго, откуда хвала всемогущаго Бога на земли множить, потѣха родичомъ и зъ сыновъ наказанныхъ ростеть, речи исполитые, оборона людская и оздоба церковная фундуется, яко тежъ и во опатренію телесныхъ вдовъ, сиротъ и въ поратованію всякихъ людей упавшихъ, якося въ собѣ самый грунтъ, предся взите, того святаго милосерднаго братства волю Вседержителя Бога закладается, и братское нерозорванное любве, но присяжный связокъ и зединочене, ведлугъ порядку правъ братствамъ отъ свѣтѣйшихъ патріарховъ и преосвященнаго митрополита и елико по православныхъ короны польское моцъ церквамъ наданныхъ, благословенныхъ и утвержденныхъ, на што мы всѣ менованные персоны обоихъ духовнаго и свѣцкаго стану людей единымъ сердцемъ, едиными усты позволивши, крестнымъ цѣлованіемъ единъ за всѣхъ и всѣ за единого, при благочестіи стояще духомъ любве горяче связавшися, ниже описанное христіанское братское (не?) повинности и порядки чинити, въ той реестръ братскій вписуемося, при храмѣ церкви соборной братской пресвятыи и живоначальныи и нераздѣльныи Троицы. Аминь. Въ року 1622, октовр. 1 дня. Ісани Коппинскій, милостію божією митрополитъ Заднѣпрскій, экзархъ Константинопольскій, на вся сія душеполезная благочестивыхъ христіанъ совѣтованія изволивше благословеніе, своего власною рукою подписуюся.

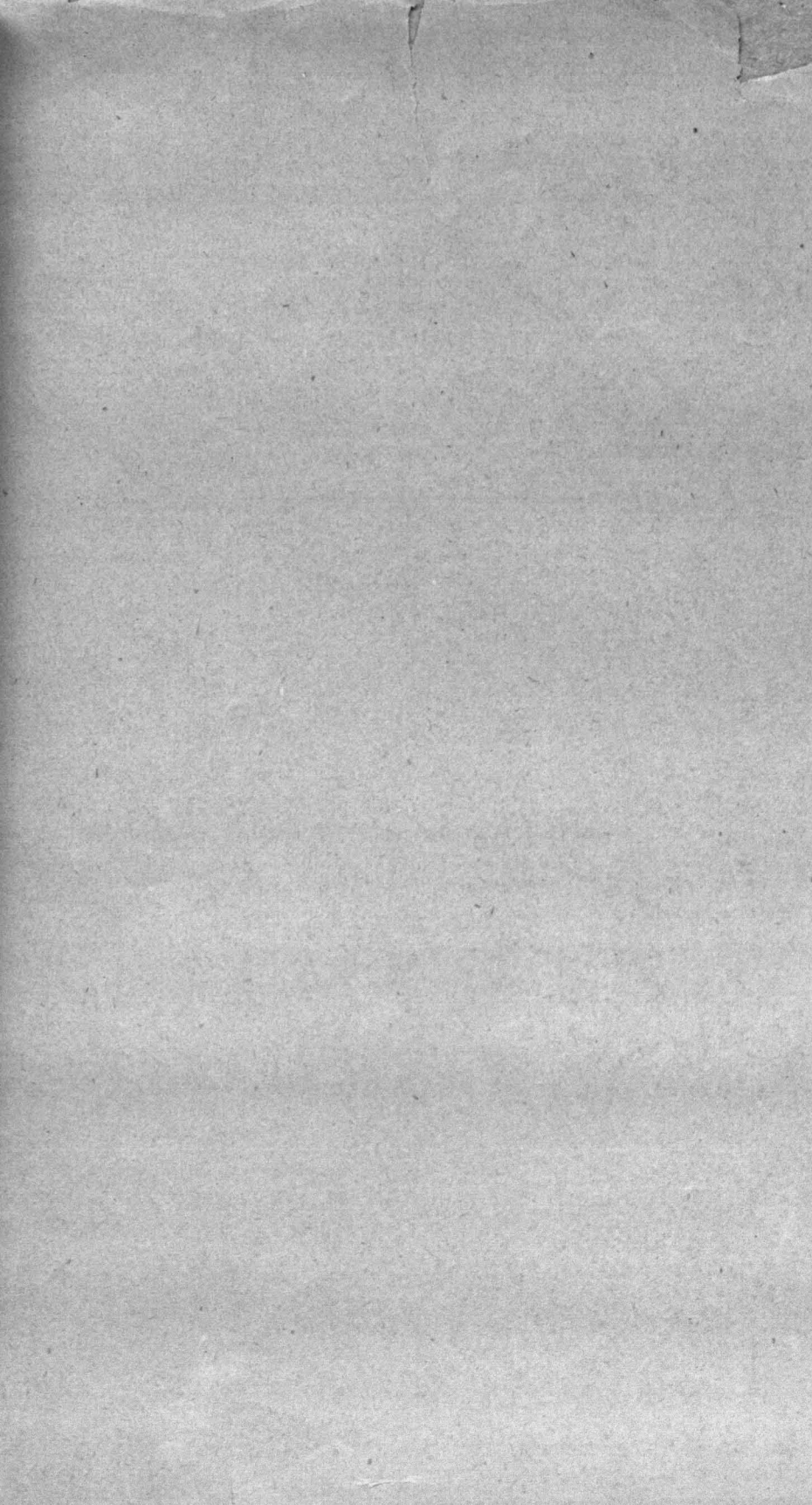
II. *Вытись съ книгъ мѣскихъ ратуша Лубенскаго на духъ, зостаючий на рѣцъ Вулманць. (1623 г., 7 января). Я Марцинь Нагурскій староста Лубенскій. Мы, Федоръ Бышовецъ, войтъ Лубенскій, при мнѣ*

бурмыстровъ будучихъ: Іосифа Свитаила, Сидора Адамовича, Олекси Товкача, Миска Мирченка, Івана Вѣтязя, Івана Беля, Федора Печеника зо всею громадою. Мы Стефанъ Жукъ, атаманъ войска Запорожского Лубенскій, Федоръ Пирскій, Янъ Гендрикъ, Стась Яблонскій зо всѣмъ товариствомъ войсковымъ. Ознаймуемъ такъ листомъ нашимъ нынѣшнымъ и потимъ будучимъ, кому бы о томъ вѣдати належало, якъ мы всѣ сполне съ собою згодившись, взялисмо предъ себе дѣло богоугодное для збавення души своей, такъ тежъ за причиною и просбою господина отца владыки господина отца Ісани, пастира нашего, отдалисмы духъ, которій есмо сполечне зъ собою мѣли, каждый своею частю, на рѣчцѣ Олшанцѣ, до монастыря Мгарскаго Лубенского, на хвалу Божію, абы за насъ всѣхъ и по насъ будучихъ завше на томъ святомъ мѣстцу молба до Господа Бога отпировала, которого то духу маеть заживати монастырь безъ вшелякой перешкоды отъ насъ всѣхъ сполечне вышереченныхъ, такъ отъ насъ, яко и по насъ будучихъ завше на томъ святомъ мѣстцу молба до Господа Бога отпировала, которого то духу маеть заживати монастырь безъ вшелякой перешкоды отъ насъ всѣхъ сполечне вышереченныхъ такъ отъ насъ, яко и по насъ будучихъ, такъ старость, яко и мѣщанъ, такъ какъ и всѣхъ войсковыхъ, гдѣжь то единою до мѣстца святого даемъ и вѣчными часы даруемъ. А если бы тежъ хто напотимъ мѣлъ въ томъ чинити монастыру якую перешкоду и ущербокъ и одымовати отъ мѣстца святого даныну нашу, которую мы теперъ всѣ сполечне згодившись, до мѣста святого дали и вѣчными часы даруемъ, теде таковый нехай не маеть милости Христовой и участияства со святыми, нехай будетъ на немъ клятва святыхъ отецъ. А для лѣншой вѣры и ваги листу того, печати притиснути и руки свои подписати зезволилимо. Писанъ въ Лубнахъ, року 1623, мѣсяца январія 7 дня.

Marcin Nagórskij, na ten czas starosta Alexandrowskj będący reka swa.

Федоръ Бышовець, войтъ Лубенскій зъ бурмыстрами. Стефанъ Жукъ, атаманъ съ товариствомъ рукою власною.

Акты Миарскаго м-ря, л. л. 322 об. и 323. (Рукопись б-ки университета Св. Владиміра, изъ собранія М. О. Судьенка).

40/16

W
C

